

ВАДИМ ОСКОЛОВ

ИГРА БЕЗ ГЛАВНЫХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Осколов

Игра без главных

«Автор»

2026

Осколов В.

Игра без главных / В. Осколов — «Автор», 2026

Они искали разрядки, а нашли оружие. Приложение PurgeUp позволило миллионам тех, у кого власть отобрала будущее, уничтожать аватары чиновников. Но цифровая кровь очень скоро выплёскивается в реальный мир, и классовая война растекается по всем континентам. Провинциальный наладчик дронов приходит в игру, чтобы отомстить хирургу-взяточнику за смерть матери. Но игра начинает платить за настоящие трупы, и шаг за шагом из мстителя-одиночки он превращается в палача мировых бюрократий. Старый мир рушится: ТОП-игроки сносят свои государства по подсказкам в смартфоне, правительства в панике, а те, кто затеял игру, уверены, что держат чудовище на поводке. Но что будет, если вкус крови окажется сильнее алгоритмов? Все страны, корпорации, организации и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Это книга-предостережение: автор показывает, куда ведёт социальная несправедливость и насилие, а не оправдывает их.

© Осколов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ХАКОВКА	7
ТРУП МЕЖДУ КУПЛЕТАМИ	7
ГОД НУЛЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ	15
ПАЦАНЫ, ВЫ СО МНОЙ?	26
КИНДЕР-СЮРПРИЗ	36
ЦЕННЫЙ АКТИВ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вадим Осколов

Игра без главных

Вадим Осколов

Игра без главных

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

ХАКОВКА

Труп между куплетами

Год нулевой толерантности

Пацаны, вы со мной?

Киндер-сюрприз

Ценный актив

МОСКИЕВ

Тест на покорность

Столица скажет спасибо

Волки взаперти не воют

Око Дракона

Заряди аккумулятор!

Патроны на выбор

ЧИНАЙ

Надсадный вздох

Парапет над обрывом

Аватар в зеркале

Час X

Навстречу руинам

ОТ АВТОРА

Всё в этой книге вымышлено: страны, города, корпорации, технологии и персонажи. Любые совпадения с реальными государствами, организациями или людьми, живыми и умершими, случайны.

Не вымышлено только одно — чувство, знакомое миллионам: когда справедливость выдают по прайс-листу, а на любую попытку что-то изменить находится человек с печатью. Бюрократия и коррупция тормозят нашу эволюцию. Но однажды технологии решат этот вопрос без их согласия: быстро, необратимо и очень дорогой ценой.

Роман не призывает к насилию, не оправдывает его и не является руководством к действию. Это предостережение — о том, во что превращается человек, взявший на себя роль палача, и что остаётся от мира, который снесли те, кто больше не мог терпеть.

ХАКОВКА

ТРУП МЕЖДУ КУПЛЕТАМИ

Труп на стеновом экране появился между вторым и третьим куплетом.

Бородачи из *FucKozak* молотили по струнам и вдруг их срезало на полутакте. Экран мигнул. Вместо концерта крупным планом на буром снегу показали тело лицом вниз и полицейские ботинки. Дикторский баритон за кадром сообщил, что это глава глухого района где-то на западе страны: его застрелили утром у ворот собственного дома. Стрелявший не скрывался и не бежал — спокойно дождался патруля, сдал оружие сам и не выдвинул никаких требований. Просто подошёл и выстрелил.

Тарас отложил пинцет рядом с развороченным квадрокоптером. Его толстые, неповоротливые с виду пальцы с ювелирной точностью вытащили из вспоротого брюха дрона-доставщика кусок свинцовой картечи. Рядом, в мешанине перебитых проводов и медной стружки, застряли еще три. Это был пятый убитый дрон за неделю. Мародёрам Хаковки было проще и безопаснее стрелять в квадрокоптеры, чем в тех, кто сделал голодным весь город.

В мастерской гудела вытяжка и попискивал 3D-принтер, выпекая новый сустав ротора. Пахло жженым пластиком и дешёвым кофе. Тарас тяжело перенёс вес с одной затёкшей ноги на другую — рабочий стул под его грузным телом недовольно скрипнул.

Камера на экране переключилась на лицо убийцы — Василия Небабы — бывшего коммунальщика, которому не платили зарплату уже четвёртый месяц. Двое полицейских в чёрных шлемах держали его под локти. В углу кадра тускло мигал красный индикатор биометрической привязки. Василий не вырывался и смотрел будто сквозь камеру — так смотрят люди, у которых внутри уже всё закончилось. Тарас знал такой взгляд. Видел это потухшее, одутловатое лицо каждое утро в зеркале над раковиной — и давно перестал обращать внимание.

Картинка снова переключилась. Диктор с той же интонацией автоответчика зачитал директиву Прайм-Аппарата Рукраины: в течение сорока восьми часов сдать любое оружие, комендантский час — с девяти вечера до шести утра, полиции разрешается стрелять на поражение в любого, кто нарушит хоть один пункт. Дальше Тарас уже не слушал.

— Да пошли вы, — сказал он и махнул рукой.

Жест переключил экран обратно на *FucKozak*. Мастерская вновь наполнилась криками и тяжелым роком.

Принтер пискнул. Тарас вынул тёплую деталь, вщёлкнул её в паз ротора, подал питание. Дрон загудел и послушно поднялся над столом на уровень глаз, мигая зелёной оптикой. Птичка была здорова. Ещё взмах рукой — и на стене проявилось лицо начальника Кирилла: выглаженный чёрный костюм, алые шевроны с золотыми корпоративными иероглифами на воротнике. Под глазами — тёмные мешки, как у человека, который давно не спал без таблеток.

— Принимай больного, — Тарас кивнул на парящий дрон. — Готов.

— Молодец. Что по остальным?

— Ещё три. Через пару часов будут летать.

Начальник на секунду скосил глаза куда-то за край камеры.

— Нет, на сегодня хватит. Собирайся и домой. Скоро комендантский час, и я не собираюсь искать нового техника, если тебя заметёт тероборона.

— Понял. Тогда завтра.

Кирилл кивнул, потом понизил голос:

— После обеда инспекция из главного офиса *CathyRoute*.

— Давненько не заглядывали, — хмыкнул Тарас. — Неужели какой-нибудь золотой мальчик из самого Ханжина решил наконец посмотреть на аборигенов?

Начальник побледнел раньше, чем успел подобрать слова.

— Закрой рот. Я серьёзно.

— Шеф, бросьте. Алгоритм не читает иронию.

— Алгоритм читает наш пульс — твой и мой одновременно! — произнёс он сквозь зубы, и его взгляд на долю секунды скользнул в правый верхний угол кабинета, туда, где под потолком, в сетчатой решётке вентиляции, пряталась биометрическая камера. — Завтра приедут кураторы. Они вывернут наизнанку всё — от твоей мастерской до кофемашины в коридоре. Никаких шуток, Тарас. Ты меня понял?

Тарас молча смотрел на шефа. Взрослый, статусный мужик — начальник Отделения чинайского интернет-гиганта *CathyRoute-Rukr* в Хаковке, при сытом пайке, служебной квартире и брони от мобилизации на себя и жену — сейчас боялся. Не людей, которые приедут завтра, а того невидимого, что смотрело с собственного потолка.

— Понял, — ответил Тарас. — До обеда все сделаю.

Экран погас, и мастерская снова наполнилась шорохом кулеров и тихим стрёкотом дрона, который медленно поворачивался над столом в облаке собственной подсветки. Тарас смотрел на него и думал, что система работает безупречно — ломаются только люди.

* * *

Пятеро теней жались друг к другу на остановке. Ледяной ветер гнал по мёртвому проспекту мусор и снежную пыль. Тарас машинально потёр левое запястье — пальцы споткнулись о твёрдый овал биометрического трекера *Sinograph*. Минут через десять из метели вынырнула маршрутка — дребезжащий гроб на колёсах. Последний рейс перед комендантским. Тарас втиснулся в салон, пропахший сырой шерстью и перегаром, дал сорок «серых» за проезд (так называли местную валюту — гривль) и опустился на свободное место у окна.

За грязным окном мелькала смазанной лентой ночная Хаковка. В большинстве домов окна были наглухо темны — чёрные глазницы выбитых или брошенных квартир. Но кое-где, редкими жёлтыми пятнами, дрожал свет: кто-то ещё тут жил. Вирус двадцать восьмого выжег почти всех стариков, а фронт проредил молодых. Остались те, кому некуда бежать и те, кто научился жить при выключенном свете.

Полтора года назад вживание чипа под кожу было обязательным пунктом контракта *CathyRoute-Rukr* с Тарасом. Чинайская корпорация в любой точке мира хотела знать о своих юнитах всё — до последнего удара сердца. И даже забытая богом Хаковка не была для нее исключением.

В Рукраине, гниющей после многолетней позиционной мясорубки с Укрроссией, место в чинайской корпорации стоило больше жизни. За должность уборщицы на складе дрались до ножевых. Стабильная зарплата в амерских спектрумах — в народе их звали «радужными» — была билетом на выживание: она означала, что твои дети сегодня лягут спать не голодными. А для мужчин к этому шёл белый билет — бронь от мобилизации. Один контракт — и ты выкупал себя сразу у двух смертей: голодной и фронтовой. Тарас прошёл отбор за счёт мозгов: мёртвые железяки он понимал лучше, чем живых людей.

В стекле мелькнул обшарпанный бетонный фасад городской клинической больницы, и во рту Тараса мгновенно стало сухо.

Семь лет назад в этих стенах убили его мать.

Он до сих пор помнил этот запах — хлорка, лекарства и гной, которым был пропитан длинный коридор хирургического отделения. Помнил счёт, который он оплатил в кассе в первый же день — шестьдесят тысяч «серых».

На второй день его вызвал главхирург Салович. Рыхлый, потный, с маленькими глазами за толстыми стёклами очков. Салович даже не понизил голос, когда назвал цену — говорил спокойно, будто обсуждал стоимость ремонта машины.

— Пять тысяч «радужных», парень. Иначе операция может пойти... по непредсказуемому сценарию. Понимаешь? Скальпель тупой попадётся. Анестезиолог дозу не рассчитает. Бывает.

И губы растянулись сытой улыбкой хозяина чужой жизни.

В голове у Тараса мгновенно, как на калькуляторе, щёлкнула цифра. Пять тысяч «радужных». По курсу — почти полмиллиона «серых». Полторы его годовые зарплаты.

— Я уже оплатил, — тихо сказал Тарас. — В кассе. Шестьдесят тысяч. У меня квитанция.

Салович смотрел на него, как на ребёнка, который показывает взрослому нарисованные деньги и всерьёз ждёт сдачу.

— Квитанция, — повторил он задумчиво. — Ты, парень, квитанцию себе оставь. На память. А деньги принеси в конверте. Желательно завтра.

В тот же вечер Тарас выгреб из тайника всё, что копил годами. Туда же, в конверт, ушли деньги, которые мать сама, со спокойным лицом и сухими глазами, отложила себе на похороны — *чтоб сыну не в тягость*. Не хватало больше половины. Жека, Андрей, Орест примчались в тот же вечер, скинулись всем, что было и сумма собралась к полуночи. Ни один из них не спросил, когда вернётся.

Наутро Тарас привёз конверт в больницу. Салович принял его, не считая, взвесил в ладони и удовлетворённо кивнул.

— Хорошо, парень. Это — предоплата.

Тарас не сразу понял.

— Что?

— Пред-о-пла-та, — повторил Салович по слогам, с преподавательской отчётливостью. — Перед операцией. Мамка у тебя сложная, возраст, давление, сам знаешь. Я лично буду резать. После — ещё столько же. За результат. Такса такая, парень, не я её придумал.

Тарас молчал. В ушах шумело, как под водой. Он смотрел на гладко выбритый подбородок Саловича, на крохотный порез от бритвы под нижней губой, на тонкую корочку запёкшейся крови — и почему-то не мог оторвать взгляд от этой точки.

— Я... — голос сел, он прокашлялся. — Я больше не смогу. Я и так в долги залез на год. Друзья последнее отдали, мамкины похоронные — в этом конверте. Столько же — я физически не смогу. Негде.

Он говорил это честно. Не торговался, а объяснял. Салович его дослушал. Снисходительно, не перебивая. Потом пожал плечами — кисло и равнодушно. Движением человека, которого не касается чужая арифметика.

— Ну как знаешь, парень. Дело хозяйское.

Он сел за стол и принялся что-то писать. Не поднимая головы, буркнул:

— Мы сообщим.

Тарас вышел из кабинета и пошёл. Куда — не помнил. Очнулся уже дома.

Из больницы позвонили в шесть утра. Секретарша сообщила тоном, каким сообщают о задержке рейса, что, к сожалению, у матери не выдержало сердце. *«Бывает, молодой человек. Такой возраст. Подъезжайте завтра к девяти — заберёте тело из морга.»*

Тарас стоял посреди комнаты с телефоном в руке, и в голове — раньше, чем боль, раньше, чем слёзы, раньше даже, чем осознание того, что матери больше нет — мелькнуло холодное: я выхвачу скальпель из его руки и воткну ему в горло. Не метафора. Не фигура речи. Он увидел это — движение, бросок, податливость чужой плоти под сталью. Увидел так ясно, что отшатнулся от собственной мысли, как от удара. Телефон выпал из пальцев.

Он был студентом. Он никогда ни с кем не дрался всерьёз — и он только что понял, что может убить. Легко, грязно и без малейших сомнений. Квитанция на шестьдесят тысяч «серых» лежала в ящике стола. Он так и не смог её выбросить. Как и подойти к Саловичу.

Маршрутка ударила по тормозам, лысая резина взвизгнула, и пассажиров повалило друг на друга со сдавленными матами. Перекрёсток на красный прошёл чёрный бронированный внедорожник без номеров. Местная тероборона. Хозяева ночи.

В салоне повисла напряжённая тишина. Её попытался прорвать чей-то истерично-бодрый голос:

— Ну... с наступающим, народ! Чтоб в Новом году без прилётов! И чтоб работа была!

— И чтоб живыми остаться, — глухо бросили из темноты задних рядов. — И чтоб эти мрази в кабинетах кровью харкали.

— Да их вешать надо! — сорвался женский голос. — Продали! На мясо пустили! Чинай-цам под ноги бросили!

Тарас, не оборачиваясь, стал протискиваться к выходу.

* * *

Бывший Дворец Культуры — квадратная бетонная коробка, с которой давно сбили и мемориальную доску, и само имя, — сочился неонами в морозную ночь. Окрестные жители терпели басовую контузию так же, как терпели всё остальное: жаловаться было некому, а Гос-Алгоритм снимал социальные баллы за любую активность, не одобренную сверху.

В народе клуб звали просто — «Слив». ДК когда-то построили прямо над узлом советского коллектора, и в сырые ночи весь квартал вонял тем, что горожане спускали в унитазы. Подходило. В Хаковке всё пахло тем, что сливали вниз.

Тарас продавился сквозь толпу. Клуб делил посетителей строго по кастам. На третьем этаже, под кислотное техно, дёргался молодняк, ещё веривший, что у них есть будущее. На первом, в VIP-кабинках с кожаными диванами, тяжело оседали те, у кого были связи и кусок от гуманитарки. Тарасу был нужен второй — чистилище для среднего класса. Бар для тех, кто уже всё понял, но ещё не спился окончательно.

В угловой кабинке сидел один Жека. Худой, нескладный, в круглых очках с треснутым левым стеклом. Барабанил пальцами по столу не в такт басам сверху.

— Один?

— Андрюха с Орестом задерживаются. Развозят какую-то хрень.

Молча хлопнули по рукам. Жека пихнул в его сторону бутылку пива.

— Сегодня починил планшет мадам из вашей логистики, — Жека хмыкнул. — Уронила в ванной. Сказала — «производственная травма».

Тарас усмехнулся в горлышко. Жекина контора числилась подрядчиком *CathyRoute-Rukr* — на бумаге. На деле жирные клиенты попадались раз-два в неделю, остальное Жека добирал на стороне.

— Ты как? — друг посмотрел на Тараса поверх треснутого стекла. — Я тебя месяц не видел. Ты совсем зачах.

— Нормально.

В кабинку ввалился Орест — жилистый, с кривым после юношеской драки носом, костяшки на правой руке свежеразбиты. За ним протиснулся Андрей: мелкий, сутулый, с рыжей щетиной и обкусанными до мяса ногтями. От обоих несло морозом.

— Сорян, — Орест плюхнулся рядом с Тарасом. Диван крякнул. На стол лёг пакет сушёной рыбы.

— Адресок попался. — Андрей сел рядом с Жекой, потянулся за бутылкой. — Двенадцатый микрорайон. Дед помер три недели назад и сын разгребает квартиру. Заказал у меня в секунде комплект простыней — свои, говорит, выкинуть не могу, папа на них лежал. А новые

покупать дорого. Я привёз ему чужие, с какого-то склада в Восточном. С другой бабки, скорее всего. Он отдал «серые», не глядя. Спросил только, постираны ли.

— Каких только дебилов нет на свете! — фыркнул Жека.

Орест с хрустом сломал рыбью спину, сплюнул кость в ладонь.

— А я сегодня чуть девятый калибр не словил в лоб. Вozил груз с третьей промки в Восточный. Ящики закрытые, без маркировки — только чинайские иероглифы на боку. Один на повороте съехал, грохнулся, внутри стеклянное звякнуло. Я остановился глянуть — а сопровождающий мне ствол в висок. Молча кивнул на дорогу. Доехали, разгрузились. На прощание сунули двойную ставку и сказали забыть адрес.

— Что везли-то? — прищурился Тарас.

— Хрен его знает. Да и какая мне разница? — Орест оторвал ещё кусок рыбы. — Вон за бронь каждый месяц надо отстёгивать «Единому Цифровому Синоду». Я же типа пономарь у них. Так что мне все равно за что платят «серыми». Хоть за святую воду, хоть за чинайскую жижу.

Над столом повисла короткая тишина. Только басы сверху и звон стекла из соседней кабинки. Настенный экран транслировал социальный блок. В кадре лоснились лица чиновников за длинным дубовым столом с Губернатором 19-й Области. Выглядело это как цифровая фреска — Тайная вечеря успешных людей. Мягкий баритон за кадром цедил патоку:

...Государственный аппарат — это нейросеть нашей стабильности. Пока вы спите, система процессирует хаос. Цените их труд. Их жертва невидима, но абсолютна...

— Козлы, — выплюнул Тарас и сделал долгий глоток.

Картинка сменилась. Лицо замминистра инфраструктуры Рукраины на фоне особняка, ошетилившегося камерами и турелями. Журналистка подобострастно спросила, как чиновники справляются с растущим социальным напряжением. Замминистра снисходительно улыбнулся:

— Знаете, я далёк от всей этой социологии. Моя задача в правительстве — финансировать науку. И вот тут у нас прорыв, понимаете? Геронтология делает квантовый скачок. Сначала продление жизни — госслужащим, чтобы стабилизировать систему. А там, со временем, и народ получит шанс на продление эксплуатационного периода... Простите, на продление жизни.

У Тараса дёрнулась щека. Пальцы сжали горлышко бутылки так, что стекло могло вот-вот треснуть.

— Фигасе, — хмыкнул Жека. — Они себе вечную жизнь апдейтят. А нам — продление эксплуатационного периода. Как стиральным машинам.

— Патриции получают бессмертие, — Андрей криво усмехнулся. — А вам, плебеям, положен апгрейд на пару лишних смен. Слышали про новый налог? За все предновогодние покупки надо заплатить наперёд — авансом. Не уплатил — блок счетов.

— Это как? — поднял голову Орест.

— Как подписка на право дышать, — мрачно пояснил Тарас.

Орест грохнул кулаком по столу. Бутылки жалобно звякнули.

— Да они в край охренели!

Над столом потянуло дешёвыми духами и табаком. Официантка — лет сорока, с выцветшими фиолетовыми волосами и татуировкой-розой на шее — стояла, уперев поднос в бедро.

— Ну чё, уклониcты, ещё пиво будем? Или вы сюда политику пообсуждать зашли?

— Четыре светлых, Люся, — буркнул Андрей, не отрываясь от ногтя.

Она ушла, оставив химический шлейф.

Тарас смотрел, как замминистра садится в бронированный «Майбах». Внутри него, в самом центре груди, медленно раскручивалась чёрная холодная спираль.

— Вырезать бы их всех, — тихо и отчётливо сказал Тарас. — До седьмого колена. Выжечь этот сервер к херам.

— И что поставишь вместо? — Андрей склонил голову набок. — Кто будет роутить трафик? Кто страной рулить?

— Люди, — процедил Тарас.

— Какие люди, Гарматный? Мы? Я, перепродающий чужие портки? Ты, ковыряющий чинайские дроны?

— Система гнилая. Её надо просто снести. Форматнуть диск.

— Ага. И получить синий экран смерти в масштабах страны, — вздохнул Андрей.

Орест тяжело поднялся.

— Никакого синего экрана. Только светлое. Пошёл за пивом.

* * *

Орест вернулся с батареей запотевших бутылок мутного нефilterованного и бумажным пакетом сушёной рыбы. Тарас пересел так, чтобы экран с чиновниками остался за спиной. Внутри всё ещё гудело, как трансформаторная будка перед замыканием.

— На каком ты сейчас уровне? — голос Андрея пробился сквозь кислотные басы верхнего этажа.

— Уже прошупываю главу области, — хмыкнул Жека.

— Я вчера только скачал клиент. Пока скукота — дефолтный шутер, — поморщился Орест. — Могли бы движок и посложнее написать, чем тупо крошить паразитов в кабинетах.

— Кого крошить? — Тарас тяжело поднял взгляд.

— В игре, Тарик, — Жека отхлебнул пива. — Ты что, в бункере живёшь? *PurgeUp*. О ней сейчас вся сеть гудит.

— Я в сети только по работе, ты же знаешь.

— Так это и видно.

— Ну и что я пропустил? — Тарас отставил бутылку. — Виртуальный протест для мамкиных анархистов? Гениально. Система продаёт вам симулятор революции, чтобы вы не вышли на улицы. Поставили бы лучше бронеплётку на окна соседям-пенсионерам. Больше толку.

Жека подался вперёд, понизив голос так, что Тарасу пришлось наклониться через стол. Его глаза блестели, как у пьяного, который вот-вот скажет важное.

— Ты не понял. Это не очередная поделка. В базу вшиты биометрические слепки всех действующих чиновников. Алгоритм парсит весь интернет, правительственные базы, соцсети. У каждого моба — реальное лицо, реальный голос, паттерны поведения, привычки. Я позавчера играл против Гирева. Того самого, из нашей районной администрации. Это было нечто, Тарас. Я... я чувствовал, как хрустит его шея под моим ботинком.

Тарас замер. Бутылка остановилась на полпути ко рту.

— Тебе это надо, Тарик. Серьёзно. Хоть на ком-то отыграться, а то ты горишь изнутри.

— Гирева? — переспросил Тарас севшим голосом.

— И это не тир, — вмешался Андрей, нервно оглянувшись. — ИИ противников обучается. Я пытался снять начальника отдела образования в тихом районе Москиева. Гадёныш сопротивлялся! Вызвал ведомственную охрану, когда я подсунил ему просроченный пропуск в мэрию.

— Нижний уровень самый простой, — Жека заговорил быстрее. — Берёшь ствол, ломаешь дверь. Но чем выше статус цели, тем жёстче протоколы. Нужно стать стратегом, шахматистом — просчитывать ходы наперёд. Движок генерирует защиту на лету. Я пробовал отравить Гирева в ведомственной столовой — ИИ просчитал это. У него оказался пищевой газоанализатор в смарт-часах. Еле ушёл через подсобку.

— И как ты его достал?

Тарас сам не заметил, как подался ещё ближе. Андрей театрально откинулся на спинку кресла.

— Что бы он делал без моих знаний химии?!

— Да, Андрюха выручил! — Жека хлопнул друга по спине. — Термитная смесь в подошве ботинка. Записался на приём. На входе рамки не звенят — не металл. Прошёл в приёмную, продавил каблук. Порошок рассыпался на ковёр.

— Бля, — Орест поставил бутылку на стол и сплюнул на пол. — Серьёзно?

— Через три минуты пошёл едкий дым. Сирена, паника, охрана бросается к выходу. А я захожу в кабинет сзади... и проламываю ему череп массивным дубовым стулом. Из его же, сука, гарнитура.

За столом повисла густая тишина. Музыка сверху казалась далёким шумом прибоя. Тарас смотрел на Жеку. Обычный сисадмин, забытый, вечно извиняющийся перед начальством. Сейчас в нём было что-то новое — какая-то тёмная уверенность.

— Молодец, — медленно произнёс Тарас. И впервые за вечер улыбнулся. — А теперь что?

— Теперь глава области, Владимир Панченко. Но там бронированная резиденция, дроны-перехватчики, личная гвардия. Надо попотеть. — Жека отхлебнул пива и покосился на друзей. — Поехали к тебе, Тарас. У тебя же проектор на всю стену тянет. А у нас только мониторы.

— И диван удобный, — добавил Орест.

— Вчетвером разберёмся быстрее, — Андрей развёл руками. — Особенно на большом экране.

Тарас молчал. Перед глазами стояло лицо хирурга Саловича. Потное. Сытое. Безнаказанное. А что, если и его профиль есть в базе? Что, если можно... хотя бы там. Хотя бы почувствовать, каково это.

— Комендантский через двадцать минут, — Орест говорил, не отрываясь от стакана. — Патрули уже на улицах. Надо либо расходиться, либо...

— Переночуете у меня, — перебил его Тарас.

Он бросил на стол мятые купюры.

— Поехали. Покажете эту вашу забаву. Посмотрим, насколько умна их защита.

* * *

Массивная стальная дверь глухо лязгнула. Замок считал подкожный чип на запястье Тараса, мигнул зелёным и впустил их в тёмную прихожую.

— Падайте, куда дотянетесь. Кофе сейчас будет, — Тарас сбросил куртку, глянув на термомостат.

В квартире было зябко. Час назад городская ТЭЦ обрубил подачу тепла до режима выживания труб.

Пока дешёвая кофемашина натужно шипела на кухне, выжимая чёрную жижу из суррогатной таблетки, Жека уже развернул проекцию на серую стену.

Логотип *PurgeUp* вспыхнул кроваво-красным неонам. Над ним, стилизованный под восьмибитные приставки, побежал Робокон и лазерганом подстрелил толстяка в костюме и с портфелем.

— Серьёзно?! — Тарас скривился и бросил короткие взгляды на друзей.

Затем на стену вывалилась комната Тараса в дополненной реальности. Поверх обшарпанного дивана висели полупрозрачные окна интерфейса.

— Показывай статистику, — сказал Тарас, ставя на стол четыре кружки. — Кого ты там завалил.

Жека свайпнул по воздуху. На стене материализовалась галерея. На виртуальных стальных крюках, медленно покачиваясь, висели отрубленные головы. Края разорванной плоти выглядели тошнотворно реалистично. Физика движка безупречно симулировала запёкшуюся кровь и мертвенную бледность кожи.

Тарас замер с чашкой в руке. Его не стошнило. Хуже. Где-то глубоко внутри шевельнулось тёмное, первобытное удовлетворение. Плечи непроизвольно расправились, дыхание выровнялось, как перед ударом. Руки перестали мелко подрагивать — впервые за неделю.

— Выруби расчленёнку, — хрипло попросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Оставь досье.

Жека пожал плечами и переключил фильтр. Головы превратились в строгие, стилизованные под личные дела портреты с перечёркнутыми красным статусами: ЛИКВИДИРОВАН.

— Это аппарат районной администрации, — гордо ткнул пальцем Жека. — А вот эти живые — замы Гирева.

— Хватит песочницы, — Тарас сел на край стола, впиваясь взглядом в экран. — Показывай Панченко.

Следующие два часа они провели в симуляции. Губернатор 12-й Области сидел в своём цифровом бункере, защищённом лучше, чем ядерный чемоданчик. ИИ игры оказался садистски умным. Попытка отравить вентиляцию закончилась блокировкой сектора и расстрелом дронами. Попытка взломать систему автопилота его кортежа привела к тому, что алгоритм вычислил IP-адрес Жеки внутри игры и выслал за ним виртуальную опергруппу.

— Жесть! А что тогда на министерском уровне? — выдохнул Орест, вытирая пот со лба, когда экран в пятый раз выдал надпись «ВЫ МЕРТВЫ». — На президентском вообще что?

— Там весь мир, Тарас. От мэра в Мозамбике до генсека ООН, — Жека потёр воспалённые глаза. — Но мне глобалка не нужна. Я хочу наших. Местных. Тех, кто пьёт нашу кровь здесь.

Тарас молчал, глядя в экран на надменное цифровое лицо губернатора.

Ровно в полночь свет в квартире мигнул и погас. Щёлкнули реле, и через секунду тускло загорелось аварийное освещение от резервного аккумулятора. Батареи под окном жалобно вздохнули — город отключил тепло.

— А если задуматься? — не унимался Орест. — Мне двадцать восемь. Ни кола, ни двора. Олеся вчера опять про детей заикнулась. А я смотрю на неё и думаю: куда рожать? В этот бетонный мешок? Чтобы их потом на Восточный фронт забрали или чинайцам на сборку?

— Ну так а ты чего хотел, — буркнул Андрей. — С твоим-то компотом в семье.

Орест невесело хмыкнул.

— Вот-вот. Мать на той стороне как уехала своих проведать, так и куковать осталась — не пускают. А Левку пять лет назад военврач «годен» написал — и всё, нет Левка. Пропал. Ни живого, ни мёртвого. — Он покатал в пальцах пустой стакан. — Это мне детям потом как объяснять? Что бабка по одну сторону черты, а дядьку по другую увели — и сгинул. Что нашу семью эта черта пополам перерезала, всех порознь раскидав?

— Так вы ж сами наполовину те, наполовину эти, — лениво заметил Жека. — Вечно у вас в роду всё перемешано.

— В том и беда, Жек, — тихо сказал Орест. — Нас не два народа. Нас одного человека пополам разорвали. А теперь каждой половине твердят, что вторая — враг. И в меня эта черта аккурат посередине прошла.

— Забудь про семью, — жёстко отрезал Жека с дивана. — Семья в Рукраине — это заложники, которых ты добровольно отдаёшь системе. Чтобы тебя было за что держать.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Никто не спорил. Все знали, что Жека прав.

ГОД НУЛЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В семь утра Тарас сбросил спальник. Жека уже сидел за столом, тёр запястье — чип проснулся раньше хозяина.

— Смотрю на ваши графики и думаю... — Андрей уставился на свои пустые запястья. — Может, и мне наконец зашить? На сайтах знакомств девки сейчас даже смотреть не станут, если у тебя нет верифицированной эндокринной карты. Им подавай точный уровень тестостерона и гарантию, что ты не псих. Я в их ленте, как фото без лица.

— Забей, — Орест мрачно натягивал ботинки. — Я свою кровь чинайцам транслировать не собираюсь. И так дышать нечем, ещё не хватало, чтобы алгоритм *Sinograph* знал, когда я возбуждён, а когда пульс скачет от злости на патруль. Пусть бабы свайпают живых, а не графики.

— Тебе легко говорить, ты упёртый, — буркнул Андрей. — А я просто не собрался. Дорого, страшно, да и очередь в клинику на полгода.

Жека хмыкнул, проверяя коннект своего чипа с телефоном.

— Каменный век, Орест. Кому ты нужен? Твои данные — это капля в эксабайтах белого шума. Зато если у меня тромб оторвётся, скорая прилетит раньше, чем я успею упасть.

— Ага. Если у тебя на счету достаточно баллов лояльности, — парировал Андрей. — Иначе пришлют труповозку. Слушайте, а правда, что элите ставят новую серию *Neurpple*?

— Правда, — Тарас отпил горький кофе. — У них другая архитектура. Чинайский чип просто читает тебя, как открытую книгу. А новый амерский нейро-зонд *Neurpple* — пишет. Он умеет впрыскивать синтетические нейромедиаторы. Купирует панические атаки, блокирует страх, стабилизирует пульс. Стоит как крыло от самолёта. Поэтому все эти замминистры на пресс-конференциях всегда такие спокойные. У них химия в крови отбалансирована под ноль. Машины во плоти.

Тарас допил кофе и подошёл к стене. Активировал панель. С глухим щелчком развернулся интерфейс *ThePulse* — соцсети нового поколения, поглотившей все остальные. Её убойной «фишкой» было подключение к биометрическим чипам. На виртуальной доске висели аватарки всех четверых, но ауры данных пульсировали только вокруг двух лиц — его собственного и Жекиного: 72 удара в минуту, кортизол в пределах нормы, лёгкий дефицит серотонина. Аватарки Андрея и Ореста висели рядом плоскими пятнами, без единой цифры. Пустые запястья — пустой профиль.

Вместо ленты был черный экран. Под драматический бит на него выплыла грязно-красная сфера с заголовком:

«2034. ГОД НУЛЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ К БЮРОКРАТИИ»

Затем она лопнула, разлетевшись тысячами пикселей, которые сложились в текст:

«Мы упёрлись в стену. Прогресс остановлен. Миллиарды людей гниют в нищете, пока Система кормит тех, кто ничего не производит. Бюрократический аппарат мутировал в раковую опухоль Земли. Они пьют нашу кровь через налоги. Они продают наши жизни в окопах. Они покупают роскошь за наш счёт, а скоро и бессмертие.

Алгоритмы глобального голосования подтверждают: 2 827 340 548 верифицированных пользователей Сети признают класс управленцев абсолютным злом.

Время петиций прошло. Пора приступать к чистке и удалить опухоль хирургическим путём. Вперёд — в будущее без паразитов. Без лишних ртов за столом процветания!»

Под текстом запустился счётчик. Огромные красные цифры бешено крутились, фиксируя количество прочтений в реальном времени. Сто миллионов. Пятьсот. Миллиард.

Телефон в кармане Андрея отчаянно завибрировал, выдавая пуш на главный экран. А Жека вдруг дернулся и схватился за запястье — он получил уведомление тихим импульсом прямо под кожу.

— У меня то же самое пришло, — голос Андрея сел до шёпота. — На главный экран. Не закрывается.

В комнате стало очень тихо. Тарас стоял неподвижно, глядя на красные цифры. Текст манифеста был жёстким и безжалостным. Он призывал не к митингам, а к забое.

— Это что... официальная рассылка? — сглотнул Жека.

— Нет, — Тарас прищурился. — Ни одно правительство такого не пропустит. Это взлом. Кто-то положил глобальную сеть, чтобы показать это каждому на планете.

Он замолчал. Перед глазами снова встала ночная картинка — курсор игры, мигающий на губернаторе Панченко, и то короткое, ровное чувство согласия, с которым он тогда завершил игру. Манифест на стене говорил ровно тем же голосом. Тем же ритмом. Как будто кто-то сначала дал Тарасу потрогать рукоятку, а теперь вложил в руку инструкцию.

Он медленно обернулся к Жеке.

— Твоя игра, Жека. *PurgeUp*.

— Что — игра?

— Она не просто так появилась. Это не симулятор. Это тренировочный лагерь.

Друзья молча переглянулись. Воздух в комнате стал тяжёлым, как перед грозой.

— Собирайтесь, — приказал Тарас, выливая остатки кофе в раковину. — Идём на работу. А вечером собираемся у меня и будем тренироваться. Нам надо подготовиться.

— К чему? — робко спросил Андрей.

— К шансу всё изменить.

* * *

Утренняя Хаковка тонула в сизой морозной дымке. В ста метрах от остановки, там, где раньше осыпался остов советского бетонного завода, возвышался монолит логистического хаба *CathyRoute-Rukr*.

Год назад строительные 3D-принтеры корпорации напечатали этот бункер за три недели. В бетон подмешивали композитный кевлар. Хаб был рассчитан на прямое попадание тактической ракеты — корпорация из Чиная защищала свои инвестиции надёжнее, чем Рукраина защищала своих граждан. Старую заводскую трубу срезали и превратили в стартовую шахту для дронов-доставщиков. Из её жерла днём и ночью выпархивали аппараты всех мастей — лёгкие квадраки с одной коробкой под брюхом, средние шестилапки с термосумками, изредка — большие грузовые, уносящие сразу по десятку посылок в окрестные сёла.

Тарас свернул с разбитого асфальта на корпоративную территорию. Ботинки мягко ступили на подогреваемый газон. Зелёная синтетическая трава, плавающая снег при минус пятнадцати, выглядела как издевательство над замерзающим городом. Он подошёл к служебному входу. Сканер в бронированном стекле мигнул, считывая подкожный чип.

ID: GARMATNYI T. // ранг T-1 // допуск: ОК

Створки разъехались без звука. Внутри хаб гудел, как гигантский улей. Потолочные камеры *Sinograph* провожали каждый шаг, фиксируя не только перемещения, но и микровыражения лиц. За избыточную хмурость алгоритм мог снять баллы лояльности. Тарасу пришлось держать лицо расслабленным, хотя внутри всё ещё стучал набатом утренний манифест из Сети: *Вперёд — в будущее без паразитов*.

В кабинете начальника отделения пахло дорогими синтетическими ароматами. Кирилл стоял у панорамного окна, выходящего в главный распределительный зал. Там, под парящей голограммой красного дракона, конвейерные ленты выплёвывали посылки, а манипуляторы грузили их в отсеки дронов.

Рукраина умирала, но продолжала покупать. Война научила людей жить одним днём — тебя могло разорвать шальным снарядом, тебя могла остановить на дороге банда обкуренных тероборонщиков, а ты накануне этого щёлкал по экрану и брал в рассрочку куртку с подогревом или новую электронную игрушку. Что делать? Успевай брать от жизни всё, пока жизнь не взяла своё. К тому же большинство боялось высовываться из дома, и без доставки по воздуху об успехе *CathyRoute-Rukr* в этой стране никто бы не заикнулся.

Схема была отлажена до зеркального блеска. Бесплатные смартфоны от чинайского гиганта *CathyGlobal*, розданные весной каждому желающему, сделали своё дело: базовые функции бесплатно, разблокировка камеры и нейросети — по подписке. Человек тыкал пальцем в экран, заказ улетал в распределитель, аппарат собирал коробку, вешал её на ближайший свободный коптер — и через полчаса-час аппарат уже подлетал к дому. Если ты жил в частном секторе — садился перед крыльцом. Если в многоэтажке — висел перед подъездом, негромко жужжа, и ждал, пока ты спустишься. С безопасного расстояния сканировал сетчатку, сверял лицо, и только потом мягким движением манипулятора вкладывал пакет тебе в руки. Народ был в восторге. Сидя в неотапливаемых хрущёвках, под вой сирен, люди заказывали виртуальные скины, синтетическую еду и антидепрессанты — и в ту же секунду чувствовали, что живы. Идеальная экономика апокалипсиса.

— Пульс у тебя скачет, Тарас, — Кирилл не обернулся, глядя на дублирующий монитор биометрии сотрудников.

— Кофе крепкий попался, — ровно ответил Тарас. — Утреннюю рассылку в *ThePulse* видели? Ту, что про нулевую толерантность?

Кирилл наконец повернулся. Лицо его было серым.

— Я ничего не видел. И ты тоже. А вдруг за обсуждение этого инцидента *CathyRoute-Rukr* расторгнет контракт? Надеюсь, насчёт потери брони в таком случае объяснять не надо?

Тарас кивнул.

— Лю Чэнь прилетает в четырнадцать ноль-ноль, — Кирилл нервно поправил воротник идеальной рубашки. — Офицер регионального контроля. Куратор всей логистики Восточной Европы. Проверка будет тотальной. Если у тебя в боксах остался хоть один неисправный ротор — почини его или сожри.

— Сделаю, — коротко бросил Тарас и вышел.

Манифест утром, куратор днём. Слишком близко для случайности.

В своей мастерской, пропахшей канифолью и машинным маслом, он закрыл дверь и прислонился к ней лбом. Под потолком тихо щёлкнул датчик присутствия, ровный белый свет налился в плафонах. На верстаке лежали три изувеченных дрона-доставщика. Тарас надел клипсу наушника, но вместо привычного тяжёлого рока включил шум морского прибора.

Лю Чэнь... — мысленно повторил он имя куратора. Высокий чин. Представитель той самой системы, которая выстроила этот идеальный мир контроля над гниющей страной. Тарас взял паяльник. Руки больше не дрожали. Мысли о ночной сессии в *PurgeUp* и утреннем манифесте слились в одну ясную линию. Он починит эти сраные дроны. Он улыбнётся куратору Лю Чэню, если алгоритм этого потребует.

А вечером он вернётся домой и нырнёт в игру ещё глубже. Что-то в нём уже сдвинулось с места — тихо, без щелчка, как предохранитель на хорошем оружии. И обратно эта штука не ставилась.

* * *

В 13:00 нейросеть хаба заблокировала рабочие терминалы. Сорок семь сотрудников Хаковского Отделения *CathyRoute-Rukr* выстроились на бетоне главного логистического ангара. Идеально ровная шеренга живых батареек корпорации.

Лю Чэнь вошёл в ангар как тигр — тихо и властно. За ним следовали двое гвардейцев в экзоскелетах и Кирилл — с тем же тревожным лицом, что и утром.

Куратор Восточной Европы не выглядел как начальник. Никаких золотых часов или кричащих костюмов. На нём был дорогой чёрный френч без знаков отличия, пошитый так идеально, словно это была вторая кожа. Лицо — гладкое, как фарфор, с тёмными внимательными глазами, которые ничего не выражали.

Он остановился перед шеренгой и сложил ладони на уровне груди. Лёгкий, почти ритуальный поклон.

— Добрый день. Я благодарю вас за работу, — голос Лю Чэня был тихим, но акустика ангара несла его до последнего ряда. — Дорога сюда была долгой. Я прошёл через серую зону и видел, что снаружи. Тем большего уважения заслуживает то, что я вижу здесь: дисциплину и порядок.

Он сделал короткую паузу, оглядывая шеренгу.

— Ваш хаб — один из лучших в регионе. За полтора года мы расстались лишь с шестью сотрудниками из пятидесяти трёх. Это хороший показатель. Конфуций говорил: Благородный муж требователен к себе, низкий человек требователен к другим. Я предпочитаю работать с первыми. И, насколько могу судить, передо мной сейчас стоят именно они.

В шеренге никто не шелохнулся. Тарас чувствовал, как микромоторы камер под потолком фокусируются на их зрачках.

Лю Чэнь медленно пошёл вдоль строя, заложив руки за спину.

— Теперь о деле. Алгоритмы прогнозируют рост логистического трафика в регионе. С первого января ваш рабочий день увеличивается на один час. Базовая ставка вознаграждения... — Лю Чэнь сделал микропаузу, и в ангаре повисла мёртвая тишина, — остаётся прежней.

Он не повышал голоса. Ему это было не нужно.

— Я понимаю, как это звучит. Поэтому объясню. Государственный аппарат вашей страны облагает корпорацию издержками, которых нет ни в одной другой юрисдикции, где мы работаем. Эти издержки кто-то должен покрывать. Сегодня — мы покрываем их вашим временем. Это несправедливо. Но это математика. И, думаю, вы понимаете, к кому именно у вас должны быть вопросы.

Шеренга проглотила это молча. Месяц слухов о премии обернулся дополнительным часом бесплатной каторги.

— Вопросы? — Лю Чэнь не ждал ответа. Он уже собирался отвернуться, когда Тарас сделал полшага вперёд.

— Техник Гарматный, — сказал Тарас, глядя прямо в чёрные глаза куратора.

Кирилл на заднем плане дёрнулся, словно его ударили током. Лю Чэнь остановился. Взгляд его скользнул по Тарасу, считывая данные с умных линз.

— Слушаю вас, Гарматный. Только дышите ровнее. Линзы показывают пульс восемьдесят пять.

— Утром в сети *ThePulse* произошёл сбой, — Тарас говорил так, как будто читал инструкцию по эксплуатации. — Был опубликован манифест. Год нулевой толерантности к бюрократии. Раз компания несёт убытки из-за коррупции аппарата... планирует ли она поддержать... хирургическое решение проблемы?

Кто-то в строю судорожно втянул воздух. Кирилл закрыл глаза, прощаясь с должностью. Лю Чэнь смотрел на Тараса долгих пять секунд. На его фарфоровом лице не дрогнул ни один мускул. А затем уголки его губ поползли вверх.

— Вы задаёте взрослый вопрос, Гарматный. Я отвечу вам так же. В моей стране за коррупцию корпоративного уровня расстреливают. Счёт идёт на тысячи. И всё равно этого недо-

статочно. Жадность — вирус. Он мутирует быстрее, чем государство успевает производить пули.

Лю Чэнь сделал шаг к Тарасу, оказавшись почти вплотную. От него пахло дорогим зелёным чаем.

— Корпорация не занимается хирургией, техник. Корпорация строит дороги. А кто и кого будет убивать на этих дорогах решают законы эволюции ... — Лю Чэнь понизил голос так, чтобы его слышал только Тарас, — И те, у кого хватит смелости нажать на курок.

Куратор выпрямился, вернув лицу непроницаемую маску.

— Ваш рабочий цикл продолжен. Возвращайтесь на позиции.

Кирилл выдохнул так, словно полтора часа держал воздух в лёгких.

Тарас вернулся в свой бокс. Свет над верстаком услужливо зажегся сам. Тарас сел, и впервые за весь день сердце билось ровно — медленно и тяжело, как метроном. Он только что совершил самый смелый поступок в своей жизни — и остался жив. Более того, ему ответили. И, кажется, согласием.

* * *

Вечером Тарас не пошёл на второй этаж. Голова шумела от перегрузки и в ушах все еще стоял голос Лю Чэня. Добивать себя дешёвым крафтом среди таких же работяг не хотелось. Он остался на первом.

VIP-зона клуба пахла мускусом, кубинскими сигарами и деньгами, которым не нужно было ничего доказывать. Охрана на входе просканировала его чип, хмыкнула, но пропустила — статус сотрудника *CathyRoute-Rukr* пока ещё работал как золотая виза.

Тарас сел за барную стойку, заказал стакан японского виски по цене трёхдневного заработка и медленно обвёл зал глазами. Здесь не было случайных людей. Здесь пили те, кто делил гуманитарку, пилил бюджеты на восстановление разбомбленных дорог и крышевал наркотрафик в серой зоне. Те, чьи цифровые аватары он смог бы найти в *PurgeUp*.

— Тарас? Гарматный? Ебать-копать, какие люди в нашем некрополе.

Голос был смутно знаком. Тарас обернулся. За соседним столиком, откинувшись на кожаный диван, сидел Серега Моравский. Они вместе тянули лямку в политехе. Сейчас на Сергее был итальянский костюм индивидуального пошива, а на запястье тускло поблескивал платиновый браслет био-трекера от *Neurpple*. Метка элиты.

— Здорово, Моравский, — Тарас не встал, только кивнул, подтягивая к себе стакан.

Сергей щёлкнул пальцами официантке, указывая на Тараса.

— Запиши его счёт на меня. Падай сюда, братан!

Тарас пересел. Вблизи Моравский выглядел слегка дёрганным. Дорогая химия в крови не могла полностью скрыть мешки под глазами и нервный тик.

— Видел тебя в сводках по хабу, — Сергей затянулся сигарой, выпуская сизое облако. — Крутишь гайки у чинайцев. Молодец. Главное — бронь есть. А я вот... на галерах государственного управления пот проливаю. Собственно, я сегодня ваших узкоглазых боссов с большими людьми здесь свожу. Жду вот.

Тарас медленно повернул стакан в руке. Лёд тихо звякнул.

— С Лю Чэнем?

— С его шестёрками. Обсудим... инвестиционный климат. — Сергей хохотнул. — Короче, чинайцы думали, что заплатят только в Москиев. А у нас, Тарик, теперь децентрализация. Не отстегнут в местный фонд — будем штрафовать каждый их дрон.

Тарас отставил стакан и замер. Догадка беззвучной битой ударила по мозгам.

— Значит, это из-за вас.

— Что из-за нас? — не понял Сергей.

— Из-за вашего фонда развития Лю Чэнь сегодня накинул нам час бесплатной работы. Сказал — компенсация бюрократических издержек.

Улыбка медленно сползла с лица Моравского. Он поёрзал на диване, стряхивая пепел мимо хрустальной пепельницы.

— Брат, ну это бизнес. Система так работает. Не мы же вам смены ставим.

— Ты читал утреннюю рассылку в *ThePulse*? — Тарас подался вперёд. Глаза его потемнели. — Про нулевую толерантность к паразитам.

Сергей скривился, словно откусил лимон.

— Да читал я этот высер малолетних хакеров. Кибер-анархисты хреновы. Повоняют в сети и успокоятся. У Панченко личная гвардия — триста стволов. И дроны-перехватчики. Пусть попробуют сунуться.

— Они сунутся, Серый. И начнут не с Панченко. Начнут с таких, как ты. С жирной, но доступной прослойки.

Моравский ударил кулаком по столу. Бокалы подпрыгнули.

— А что мне делать, блядь?! — прошипел он, брызгая слюной. Лоск слетел с него в одну секунду. — Думаешь, я не понимаю, к чему все идет?! Да на меня все в городе смотрят с желанием удавить! Но если я завтра положу заявление на стол, моя Оля соберёт манатки и уйдёт к Мальчевскому. Это начальник областной управы полиции. И она заберёт Славку и Маринку. Я своих детей больше не увижу. А Мальчевский меня ещё и в окоп отправит первым же приказом!

Сергей тяжело задышал. Дорогой нейро-зонд пискнул на запястье, впрыскивая в кровь успокоительное. Зрачки Моравского мгновенно расширились, дыхание выровнялось.

— Я заложник, Тарас, — сказал он уже абсолютно спокойным голосом. — Мы все заложники. Я просто выбрал камеру с кожаными диванами. И буду держаться за неё зубами.

Тарас сделал глоток. Жидкость обожгла горло, но внутри по-прежнему было холодно. Он смотрел на друга студенческих лет и не чувствовал ничего. Ни жалости, ни злости. Только чистое, стерильное презрение. Био-трекер Серёги мигал ровным зелёным светом — химия в крови чиновника была идеальной.

— И сколько стоит эта твоя камера с диванами? — Свет неоновой вывески падал на лицо Тараса, делая его жёстким и угловатым. — Какая цена у твоей совести, Серега? В «радужных».

Серёга замер. Затылок повисла в лёгких, глаза сузились. На секунду в нём проснулся тот старый, ершистый пацан из политеха, готовый лезть в драку. Но трекер на запястье снова пискнул, вбрасывая дозу синтетического спокойствия, и Серёга расслабленно откинулся на спинку дивана.

— Три твоих годовых оклада. В месяц, — он выпустил дым прямо в лицо Тарасу. — Плюс процент с траншей на восстановление инфраструктуры. И бронь от мобилизации не только для меня, но и для всей родни.

Тарас не отстранился от дыма.

— И за что именно Панченко платит тебе такие бабки? За то, что ты красиво перекладываешь бумажки?

Серёга усмехнулся, но в этой улыбке не осталось ничего человеческого.

— Он платит мне за отсутствие рефлексии, Тарик. За то, что когда он говорит «Срежь бюджет на обогрев школ», я не думаю о замерзающих детях. Я думаю о том, как провести тендер через нужную прокладку. Универсальной справедливости не существует. Ресурсов на всех не хватит. Поэтому я делаю то, что мне приказывают, и мне абсолютно, кристально похуй на тех, кто останется за бортом. Платят за надёжность. И я никогда не подвожу босса.

Тарас допил виски и громыхнул стаканом о стол. До этого момента он ещё пытался найти оправдание. Вспоминал, как они глушили дешёвый портвейн на крыше общаги. Как Серёга прикрывал его на экзаменах. Как четыре года назад Моравский хвастался, что его дядька —

крупная шишка в администрации — устроил его замом Панченко. Взяткой тогда послужила золотая икона, вывезенная мародёрами из разбомбленного храма в Укротии. Тогда Тарас думал, что Серёга просто дурак, которому повезло пристроиться. Но сейчас перед ним сидел не дурак. Перед ним сидел паразит — рабочий узел раковой опухоли.

Истина дороже. Мысль пришла откуда-то из глубины подсознания. Острая, как скальпель. Друг умер. Но жизнь никуда не делась.

Из полумрака бара к их столику выплыла, не торопясь, грузная фигура в кашемировом пальто. От человека пахло дорогим парфюмом и свежим морозом. В унизированных перстнях пальцев был зажат кейс из благородной кожи. Серёга мгновенно вскочил. Его спина изогнулась в уродливом, подобострастном полупоклоне.

— Добрый вечер, Аркадий Борисович. Всё готово. Люди от *CathyRoute* будут сговорчивее после нашей встречи.

Грузный человек удовлетворённо хмыкнул и протянул ему руку для рукопожатия. Моравский двумя руками потряс пухлую ладонь, затем обернулся:

— Аркадий Борисович, познакомьтесь, это мой бывший...

Но представлять было некого. Тарас уже шёл к выходу, не оглядываясь.

* * *

До Нового года оставалось трое суток. Климатические аномалии, ставшие нормой после применения орбитальных погодных лазеров в последних войнах на Ближнем Востоке, накрыли Хаковку свинцовым циклоном. Температура рухнула до минус двадцати. Ветер швырял в бронированные окна логистического хаба ледяную крупу. Роторы транспортных коптеров не выдерживали обледенения. Горела обмотка, летела электроника. Тарас паял онемевшими пальцами пятую плату за час, когда наушник ожил голосом Жеки:

— Тарик! Бросай всё. Выкатили патч для *PurgeUp*. Теперь доступен кооп. Вечером собираемся у меня. Регайся уже, без аккаунта в группу не зайдёшь.

— Принял, — коротко ответил Тарас, не отрывая глаз от дымящегося олова.

Не успел он отключиться, как на стену мастерской всплыло окно вызова от Андрея. Лицо торговца из секунд-хенда было белым, как бумага.

— Ты ленту *ThePulse* видел? — голос Андрея дрожал.

— Я работаю.

— Смахни вправо. Быстро. Вкладка «Инциденты».

Тарас взмахом руки развернул голограмму. И замер. Экран кровоточил красными маркерами. Глобальная карта мира была усыпана сотнями пульсирующих точек. Тарас зумировал Евразию. Затем — Украину.

«Убит замглавы Губернатора 17-го Области. Взрывчатка в подголовнике служебного авто»

«В Южном районе 4-й Области расстрелян кортеж начальника областного суда. Оружие — модифицированные строительные дроны»

«Глава транспортного комитета Прайм-Аппарата найден мёртвым в собственном бункере. Отравление системы регенерации воздуха»

Тарас почувствовал, как по спине пробежал холод. Но это был не страх. Это был звенящий восторг. Плита бессилия, давившая его с того самого дня, как умерла мать, дала трещину. Неприкасаемые боги в дорогих костюмах оказались сделаны из мяса. И это мясо в Рукраине сейчас рвали на куски. Он свернул новостную ленту. В груди дышала новая, пугающая энергия. Тарас закончил сборку последнего дрона вдвое быстрее норматива. Щёлкнул тумблером питания — лопасти тихо запели. Идеально.

Смена подходила к концу. Тарас посмотрел на глазок корпоративной камеры под потолком. *Sinograph* фиксировал каждое его движение. Если алгоритм засечёт обращение к запре-

щённому домену, донос уйдёт в службу безопасности корпорации быстрее, чем он успеет моргнуть.

Плевать. До дома — час по обледелому городу. За этот час он передумает. Он знал себя. Тарас сел за терминал. Пальцы зависли над сенсорной панелью. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза на секунду, а затем быстро, не давая себе шанса передумать, открыл анонимный браузер и набрал в адресной строке:

purgeur.net

Экран мигнул чёрным. Система внутренней безопасности хаба не успела сработать. Какой-то внешний протокол мгновенно перехватил сигнал Тараса, экранировав его от корпоративных серверов. Затем медленно проступили белые, рубленые буквы. Текст обращался лично к нему:

«Ты смотришь новости, Тарас. Ты видишь, как мир падает в пропасть. И надеешься, что весь этот кошмар когда-нибудь закончится сам собой.

Не закончится.

Для таких амёб, как ты — не закончится никогда. Твои интересы опускают всё ниже, тебя используют как дешёвую батарейку, твоя мать умерла, потому что тебе не хватило бумажек оплатить её дыхание — а ты только радуешься каждому прожитому дню. И глотаешь таблетки, чтобы забыть, что ты — ничтожество на самом дне пищевой цепи, которую они так красиво называют "социумом".

Паразиты рядом: в каждом районе, в каждом кабинете. Они сосут твои деньги, чтобы вырастить своих потомков в лучших условиях — чтобы потом их дети присосались к жизни твоих детей.

Платформа PurgeUr создана для психологической разрядки. Мы даём интерфейс, чтобы ты мог выплеснуть гнев в симуляции и оторвать свою растолстевшую задницу от стула хотя бы виртуально.

ВНИМАНИЕ: *Разработчики снимают с себя ответственность за любые последствия, если Игрок решит перенести симуляцию в реальный мир. Как далеко зайти в удалении паразитов — решаешь только ты.*

Ты можешь закрыть это окно. Вернуться к ремонту чужих дронов, терпеть дальше и ждать, пока тебя спишут в утиль.

А можешь сделать первый ход».

Ниже горели два контура. Красный: ГОТОВ. Серый: ПОДУМАЮ.

Тарас уже принял решение. В этой жестокой, оскорбительной пощёчине он увидел именно то, чего ему не хватало годами. Правду. Он ударил пальцем по красному контуру.

* * *

Тарас сбросил обледелую куртку в прихожей Жекиной квартиры и прошел в гостиную. Друзья потягивали пиво, пытаясь делать вид, что обсуждают обычные городские сплетни.

— Я думал, это всё просто пар в свисток. Клапан для недовольных. — Андрей держал в руках пиво и смартфон. — А оно вон как... Я новости боюсь открывать, пацаны. В соседнем районе кортеж судьи на воздух взлетел. Строительные дроны с пластидом. Это уже не шутки.

— И слава богу, — ледяным тоном отрезал Тарас, проходя в комнату. — Значит, манифест в *ThePulse* — это не взлом и не фейк.

— Ты чего такой заряженный? — Орест нахмурился. — Радоваться, что кого-то валят на улицах — одно. Но у тебя взгляд, будто ты сам этот кортеж минировал.

— А вы предлагаете дальше сидеть и ждать? — Тарас резко развернулся к Андрею. — Пока они не придут за нами?

— Я не убийца! — крикнул Андрей, отступая. Пиво плеснулось из бутылки ему на джинсы, он этого не заметил. — Если мы начнем убивать, чем мы лучше их?! Насилие ничего не решит!

— Насилие решает всё. Я готов хоть завтра вырвать сердце хирургу Саловичу за то, что он сделал с моей матерью. Я жду этого момента. А у тебя, Андрей, просто кишка тонка. Мэрсские чинуши бросили твоего отца в инвалидное кресло, а ты боишься испачкать о них руки!

В комнате стало тихо. Слышно было только прерывистое дыхание Андрея.

— Для этого мы и здесь, — Жека встал между ними, прерывая конфликт. Сисадмин вывел изображение на стену. — Кровь пока только виртуальная. Но *PurgeUp* теперь синхронизирует наши пинги. Будем работать как единая тактическая группа. О, Тарик, твой ник наконец-то подтянулся в кооп. Поздравляю, ты теперь с нами.

На стене вспыхнул логотип игры, залив комнату кроваво-красным светом.

— Грузи сервер областной администрации, — отрывисто сказал Тарас. Конфликт был забыт, голос выровнялся до уровня диспетчера. — Ищем профиль: Моравский Сергей. Должность: заместитель губернатора по инвестициям.

— Твой кореш из политеха? — удивился Жека, вбивая данные в поиск. — Зачем он тебе?

— Он не кореш. Он кошелёк Панченко. И я хочу посмотреть, как он сгорит.

Стена мигнула. Движок сгенерировал 3D-модель ресторана на первом этаже клуба «Слив». Абсолютная цифровая копия, вплоть до текстуры кожаных диванов. Цифровой Серёга вальяжно курил сигару и с самозабвенной улыбкой пускал кольца дыма вверх. Рядом сидели двое телохранителей в экзоскелетах, дорисованные нейросетью игры. Тарас на секунду поймал себя на мысли, что в обычных играх так не делают. Что игра, которая знает, где обычно ужинает реальный человек — это уже не игра. Но мысль ушла слишком быстро, чтоб за неё зацепиться.

— Охрана тяжёлая. Прямой штурм — смерть для всех четверых, — Жека быстро раскидал окна интерфейса. — У нас базовые аватары. Из оружия — только пистолеты. Как будем брать?

Тарас сузил глаза, изучая архитектуру зала.

— Орест, Андрей. Вы берёте на себя пожарную сигнализацию в восточном крыле. Ломайте щиток, пускайте дым. ИИ охраны запрограммирован на эвакуацию. Они потащат Моравского через служебный выход. Жека, ты перехватываешь управление кухонными дронами. Заблокируй ими главный коридор. Не оставь им выбора.

Тарас натянул VR-визор. Цифровой мир обрушился на него острой детализацией текстур. Его аватар стоял в тёмном переулке возле служебного выхода из клуба. В руке оттягивал ладонь виртуальный пистолет.

— Пожар пошёл! — крикнул Орест.

В симуляции взвыла сирена.

— Перекрываю холл дронами! — пальцы Жеки летали по воздуху. — Охрана Моравского меняет маршрут. Ведут его к тебе, Тарик! Десять секунд!

Тарас сжал рукоять. Дверь служебного выхода с грохотом распахнулась. В переулок вывалились двое охранников, сканируя периметр лазерами. Между ними трясся бледный цифровой Серёга. Игра дала тактическое окно в полторы секунды. Тарас вскинул ствол и выстрелил в распределительный щит городской электросети прямо над головами охраны. Сноп искр. Кабель высокого напряжения рухнул в лужу талой воды у тепловыброса клуба, в которой стояли секьюрити. Двое охранников задёргались в дикой конвульсии — их экзоскелеты закоротило. Моравский остался один. Он попятился, скользя в грязи. Тарас вышел из тени. Он подошёл вплотную, глядя в расширенные от ужаса глаза цифровой копии бывшего друга.

— Универсальной справедливости нет, Серёжа, — прошептал Тарас в микрофон. — Ресурсов на всех не хватит.

Он поднял пистолет и выстрелил Моравскому в лицо.

На стене вспыхнула надпись: «ЦЕЛЬ ЛИКВИДИРОВАНА»

Андрей тяжело сглотнул, снимая перчатки. А Тарас улыбался. Впервые за семь лет по его венам струился чистый, неразбавленный эндорфин.

— Грузи профиль Панченко, — голос Тараса дрожал. Глаза впились в экран. — Ночь только началась...

Щёлк.

Комната погрузилась в абсолютную, непроглядную темноту. Гул сервера оборвался на высокой ноте. Красный неон на стене исчез, оставив после себя лишь слепые пятна на сетчатке.

— Сука! — Тарас в бешенстве ударил кулаком по столу. Мышка улетела куда-то в темноту. — Блядь! Какого хера?!

— Полночь, — раздался из мрака усталый голос Жеки. — Рубильник на ТЭЦ дёргает автоматика.

В углу жалобно запищал источник бесперебойного питания, зажигая тусклый аварийный светодиод.

— Бесперебойник с барахолки не вытянет, — вздохнул Жека, нащупывая в темноте телефон, чтобы включить фонарик. — Сервер всё. Игра вылетела.

Тарас стоял в полумраке, тяжело дыша. Адреналин, не нашедший выхода, сжигал его изнутри, царапал грудную клетку. Ему нужна была кровь губернатора. Сейчас.

— Не страна, — процедил он сквозь зубы, пнув ножку стула. — А кусок ржавого дерьма.

— Остынь, мститель, — Орест выудил из-под дивана скатанный спальный и швырнул его в темноту, на голос Тараса. — Панченко до завтра никуда не денется. Отбой.

Тарас молча поймал спальный. Виртуальный курок всё ещё охлаждал его пальцы. Завтра. Губернатор умрёт завтра. И эта мысль была единственным, что заставило его сердце биться ровнее.

* * *

Весь следующий день на смене Тарас функционировал на автопилоте. Руки знали, что делать с внутренностями дронов, а мозг просчитывал архитектуру *PurgeUp*.

Движок игры был дьявольски гениален. Он парсил цифровой след — терабайты данных из интернета, интервью, семейные фото из соцсетей — и лепил из них идеальных фантомов. Ты смотрел на цифровую копию чиновника, который отжал твой бизнес, отправил брата в мясорубку на востоке страны или подписал приказ о сносе твоего дома, и видел, как натурально дёргается его щека. Как он моргает. Как дышит. Он был на расстоянии вытянутого виртуального кулака. Защищённый только строками кода.

Мозг Тараса понимал, что это пиксели. Но эндокринная система верила. Каждое виртуальное убийство вбрасывало в кровь лошадиную дозу дофамина. Всю ночь Тарас штудировал теневые форумы даркнета. Гайды по игре обновлялись ежеминутно. Миллионы анонимных пользователей по всему миру обкатывали способы прорыва секьюрити-протоколов, делились чертежами бомб и схемами взлома биометрии. Комьюнити игроков превратилось в глобальный распределённый мозг, занятый одной задачей: как эффективнее убить паразитов, въевшихся в жизнь обычных трудяг. Для многих это был просто клапан, сброс давления.

Но не для Тараса. Его пружина сжималась всё туже. Он дважды пересмотрел реплей вчерашней расправы над Моравским. Цифровая кровь больше не вставляла. Ему нужна была личная вендетта.

Игорь Петрович Салович.

Проблема заключалась в том, что Салович уже несколько лет был на пенсии. Базовый алгоритм *PurgeUp* парсил только действующих чиновников. Хирурга в актуальной базе игры не было. Тарас зарылся в мануалы. Выход нашёлся на пятой странице патч-ноута: «Пользовательский генератор целей». Функция шла с сухой пометкой: «Используется на усмотрение игрока.

Администрация ответственности не несёт». На форумах писали разное. Кто-то называл это серой зоной. Кто-то — настоящим интерфейсом игры. Тарас не вчитывался.

Пальцы взлетели над клавиатурой. Тарас выкачал профиль Саловича из *ThePulse*. Вытянул панорамы его особняка, собрал десятки фото и видео в поисковиках. Скормил весь этот массив данных в голодную пасть нейросети *PurgeUp*.

— Давай, ублюдок. Собирайся! — прошептал Тарас.

Индикатор загрузки дополз до ста процентов. Стена мигнула, разворачивая проекцию. Летняя терраса. Идеально подстриженный газон. На заднем фоне — трёхэтажный особняк из красного кирпича, тяжёлый и квадратный, как мавзолей. А на кованной скамейке сидел он. Игорь Салович. Постаревший, обрюзгший, в дорогом домашнем кардигане. Он лениво листал планшет.

Тарас замер. В груди стало невыносимо тесно, словно лёгкие залили бетоном. Он медленно поднялся с кресла, не сводя глаз с проекции. Биометрические датчики интерфейса считали скачок пульса Тараса. Адаптивный ИИ игры мгновенно подстроился под агрессию игрока: цифровой Салович оторвался от планшета, посмотрел прямо на Тараса и... презрительно, сыто усмехнулся. Точно так же, как он улыбался семь лет назад — когда принимал из дрожащих рук Тараса пухлый конверт с деньгами и обещал, что мать будет жить.

Пальцы Тараса сжались в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони до крови. Он не стал надевать VR-перчатки. Не стал доставать виртуальное оружие. Тарас просто стоял и смотрел на ухмыляющуюся цифровую копию, чувствуя, как внутри него окончательно ломается какой-то очень важный предохранитель. Тарас резко ударил по клавише. Проекция схлопнулась в чёрную точку. В комнате остался только гул системного блока и тяжёлое дыхание.

Андрей был прав. Тарас давно всё задумал — задолго до игры, задолго до манифеста, задолго до первого виртуального выстрела. Симуляция больше не работала. Виртуальная кровь была сладкой водой — она лилась в горло, но жажду не утоляла. Тарасу нужна была настоящая.

ПАЦАНЫ, ВЫ СО МНОЙ?

Новый год они встречали на кухне Андрея. Бронь столика в «Сливе» стоила как месячная зарплата Тараса, да и сидеть в VIP-зоне с чиновниками он больше не мог.

На экране лоснилось голографическое лицо Президента Рукраины. Он стоял на фоне карты боевых действий и вещал о цифровой стабильности и мужестве нации. Тарас молча открыл бутылку чинайского шампанского. Пробка вылетела вяло, как будто ей было лень. Кухня наполнилась кислым запахом праздника.

— Выруби эту гниду, — коротко попросил он.

Андрей смахнул трансляцию. Вместо неё на экран вывелась уличная камера наблюдения. За окном выла метель. Вдруг внизу раздался сухой треск автоматной очереди. Камера показала, как по заснеженному проспекту несётся бронированный «Ленд Крузер» без номеров. Из люка торчали двое бойцов местной теробороны в тактических шлемах. Они палили трассерами в чёрное небо, празднуя наступление 2034 года.

Друзья даже не дёрнулись. Обычный новогодний салют в Хаковке.

— Ну, с новым эксплуатационным периодом, пацаны, — Андрей поднял пластиковый стаканчик. — Что дальше?

— Дальше — больше смен, меньше «радужных», — хмыкнул Жека, чокаясь.

— Я не о работе, — Андрей потёр лицо руками. — Я о нас. Мы превращаемся в... не знаю. В призраков. Мой батя сидит в инвалидном кресле и смотрит в стену. Я продаю мёртвые куртки. Орест прячется за церковной справкой. У тебя с Тарасом работа стабильнее, но все же...

Орест дёрнулся, но промолчал. На скуле у него дрогнула жилка.

— И что ты предлагаешь? — процедил Тарас. Его стакан оставался полным. — Семью завести?

— Я просто хочу понять, ради чего мы это терпим, Тарик! — сорвался Андрей. — Нам по двадцать восемь. А мы обсуждаем, как эффективнее убивать цифровых болванчиков в игре, потому что в реальности мы — никто. Корм. Биомасса. Всем плевать, сдохнем мы завтра или нет.

— В этом и есть наша свобода, — тихо, но очень отчётливо сказал Тарас.

Друзья молча посмотрели на него. В тусклом свете кухни лицо друга показалось им незнакомым.

— Они так привыкли вытирать об нас ноги, что перестали смотреть вниз, — продолжил Тарас ровным, ледяным тоном. — Для чиновников нас просто не существует. Мы для них — услуга. Биомасса, которая носит им пиццу, чинит их дроны и перепродает чужие куртки. Они нас не боятся. Они нас даже не замечают. А невидимый человек может подойти очень близко.

Жека нервно передёрнул плечами:

— Тарик, ты что задумал?

Тарас медленно встал из-за стола. Он достал из кармана смартфон и одним свайпом перекинул изображение на настенный экран. Кухню залило тёплым светом летнего полудня — и красным пятном посередине. На стене, в безупречном разрешении, раскинулась терраса трёхэтажного особняка. Идеально подстриженный газон. На кованой скамейке, раскинув руки, лежал Игорь Салович. Его грудная клетка была разворочена выстрелом из дробовика. Кровь заливала светлый кардиган, капая на дорогие туфли. Физика движения педантично симулировала, как красная лужа впитывается в синтетическую траву.

Андрей в ужасе отшатнулся от экрана, опрокинув свой стакан. Шампанское потекло по линолеуму.

— Что... что это? Хирург? Его же нет в базе игры! Он же врач, а не чинуша!

— Я создал его сам, — холодно ответил Тарас. — Из всего, что нашёл в сети.

Жека присвистнул, подавшись к экрану.

— Охренеть. Ты взломал генератор мобов? Это же...

— Это тренировка, — перебил его Тарас. — Но не для игры.

Он обернулся к друзьям. Положил смартфон на стол экраном вниз — слишком аккуратно, как кладут что-то, что боятся уронить.

— Я убил его симуляцию восемь раз. И каждый раз он вставал. Чтобы лечить других тварей. Чтобы получать конверты от других сыновей.

В комнате стало еще тише. Было слышно, как капает шампанское с края стола.

— Тарас, остановись, — Андрей замотал головой. — У меня батя в кресле. Мать одна его не обслужит. Если меня не станет — он сгниёт за месяц. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Тарас. — Поэтому и не настаиваю.

Орест перекрестился — мелко, под столом, словно стыдясь жеста.

— Это смертный грех, Тарик. Не только для тебя.

— А что не грех, Орест? — Тарас впился в него взглядом. — Что твой брат до сих пор гниет где-то на востоке? Минус восемь зрение, лёгкие посаженные вирусом — а врач на медкомиссии написал годен. Он его убил так же, как Салович — мою мать. Не скальпелем, а бумажкой. Но в чём разница?

Орест опустил голову. Его пальцы сжались на крестике под рубашкой. Он ничего не ответил. Только медленно потянулся к бутылке и налил себе — до края. Тарас свайпнул по смартфону. На стене развернулась схема: участок, дом, подъезды, точки камер, слепые зоны. Жека молча взял со стола вилку и обвёл ею контур забора. Постучал по одной точке. По другой. Ничего не сказал.

— Ты с ума сошёл, — тихо сказал Андрей. Но не отвёл глаз от схемы.

Тарас не ответил. Он смотрел в стол.

— Знаете, что мне сказала медсестра?

Он провёл языком по губам. Потянулся к своему стакану. Не выпил — поставил обратно.

— Месяц назад на рынке... Я её случайно встретил. Она была пьяная.

Тарас потёр переносицу.

— Она сказала, что Салович сэкономил на анестезии. Что мать не уснула. Что она всё чувствовала. Все три часа.

Тишина.

— Она умерла не от того, что он что-то не так разрезал. Она умерла от болевого шока.

Никто не пошевелился. Где-то на улице снова дала очередь тероборона.

— Я стрелял в его пиксельную копию, — сказал Тарас. — И вы знаете, что я понял? Что мне просто нужно, чтобы он сдох. По-настоящему и навсегда. С обезболом или без — мне всё равно.

Тарас поднял глаза. В них не было ни ярости, ни слёз.

— Я понимаю, на что вас подписываю, — он покачал головой, будто сбрасывая наваждение. — Но все равно спрошу. Пацаны, вы со мной?

* * *

План, озвученный Тарасом на прокуренной кухне, повис между друзьями тяжёлой радиоактивной взвесью. Тарас не торопил — если придут, значит, придут сами. Если нет — пойдёт один.

Встретились у Жеки на третий день, когда город накрыла очередная метель и парализовала патрули теробороны. На кухне хрипел аналоговый радиоприёмник — Жека включал его в те редкие моменты, когда говорили о серьёзном.

Тарас долго стоял у окна, спиной к ним.

— Я не буду уговаривать, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Скажу один раз. Если кто-то выйдет сейчас — я не обижусь и вопросов не задам никогда. Но если останетесь — назад дороги не будет.

Жека крутил в пальцах отвёртку. Орест сидел на полу у батареи, глядя в потолок. Андрей сгорбился на диване, обхватив голову руками.

— Я три ночи не спал, Тарик, — глухо сказал Жека. — Просчитывал. Шансы выжить у нас — процентов пятнадцать. Может, двадцать, если всё ляжет ровно. Это плохие шансы.

— Знаю.

— Так вот. — Жека поднял голову. — Я в игре. Нас всё равно скоро спишут — нас всех, всё поколение. Через год-два здесь будут одни алгоритмы и три охранника на квартал. Лучше уж сам выберу, за что сдохнуть. — Он помолчал. — Но в крови мараться не буду, Тарик. Не из брезгливости. Просто если рукой дёрну — промахнусь. Мой профиль — цифра. Подчистить логи, перехватить трафик, заглушить сигнал, поднять и опустить нужную камеру в нужную секунду. Это я возьму на себя.

— Принято.

Тарас перевёл взгляд на Ореста. Тот долго не отвечал.

— Я всю ночь читал шестую заповедь и комментарии к ней. Святые отцы в сети пишут, что за такое даже Единый Цифровой Синод индульгенцию не продаст.

— Тогда уходи, — сказал Тарас ровно.

— Подожди.

Орест поднялся и подошёл к окну.

— Я три года молился за Левка, чтобы вернулся. И ещё два — чтобы простить того врача с золотым перстнем, который подмахнул ему «Годен». Левко не вернулся, а я не простил. — Он провёл ладонью по стеклу. — Если ад есть — я в него всё равно попаду. Так что лучше уж с вами.

Он помолчал.

— На маршрутке с грузом не вариант. Поедем на моем «Форестере». Аналоговый движок, никаких трекеров от *Sinograph*. Заведётся даже в минус тридцать. Так что килл-такси — за мной.

Тарас коротко положил ему руку на плечо. Андрей всё это время не поднимал головы. Костяшки сцепленных пальцев у него побелели.

— Я не смогу нажать на кнопку, — прошептал он. — Тарик, я не убийца. Я куртки с мертвецов перепродаю — и то блюю от брезгливости.

— Никто из нас не был убийцей, — сказал Тарас. — Я просто прошу тебя сделать заряд. Андрей поднял глаза.

— У тебя золотые руки, — сказал Тарас. — Ты на барахолках с пятнадцати лет. По запаху отличаешь палёный аккумулятор от живого. А до этого, в школе, ты чуть кабинет химии не разнёс своими экспериментами. Химичка тебя три месяца к доске не подпускала. Без тебя заряд не сдетонирует. Или сдетонирует у нас в руках.

Андрей долго молчал. Потом встал, подошёл к холодильнику, открыл — закрыл. Повернулся.

— Мой батя двадцать лет вкалывал на заводе. На том самом, который теперь *CathyGlobal*. Когда станок упал ему на ноги, начальник цеха подмахнул бумагу, что батя был пьяный, — чтобы не платить компенсацию. А потом стал местным депутатом и сейчас разъезжает по Хаковке на новой Тойоте. Я даже знаю, в какой дом.

Он посмотрел на Тараса.

— Мы потом сделаем что-нибудь с ним?

— Если будем живы — да.

— Тогда я в деле. Что делать?

Тарас выдохнул — и только сейчас стало видно, что он будто задержал дыхание на эти три дня. Он вывел на настенный экран чертёж с теневого форума игры.

— Архитектура заряда. ИИ-модераторы фильтруют любые прямые покупки взрывчатки и прекурсоров, алгоритмы отслеживают химический след. Нам нужны компоненты, которые собираются из бытовухи.

Андрей подошёл к экрану и посмотрел в него глазами торговца, оценивающего товар.

— Эта смесь не сдетонирует, — сказал он через минуту. — На улице минус двадцать, она кристаллизуется. Нужен термokatализатор.

— Где возьмём? — нахмурился Жека.

— Синтезируем. — Андрей уже сам скроллил страницы. — Электроды для подводной сварки, чинайские промышленные фальшфейеры и графитовые статоры от дешёвых генераторов. По отдельности — мусор, а вместе сработают.

— Распределяем заказы, — сказал Тарас. — Каждый берёт на *CathyRoute* по одной позиции со своего личного аккаунта. Разные IP, разные адреса. ИИ безопасности не свяжет сварочные электроды и фейерверки — тем более если их купят четыре разных человека.

— А как вытащишь из них чистую химию? — спросил Орест.

— Молекулярный ресайклер на складе хаба. Я на нём переплавляю бракованные дроны. Задам нужную глубину распада — машина отсепазирует чистый порошок.

Оставался последний вопрос.

— Оболочка. — Тарас обвёл друзей взглядом. — Заряд должен быть компактным. Чтобы пройти через рамки. Чтобы, если остановят на улице, в кармане лежало что-то бытовое.

— Капсула для лекарств? — предложил Жека и сам же качнул головой. — Нет, металл нам не нужен.

— Газовая зажигалка, — сказал Орест. — Внутри полость.

— Слишком маленькая, — отрезал Андрей. — Начнут трясти, что внутри.

Он прищурился, перебирая в голове двадцать лет своего барахольного ассортимента. И вдруг усмехнулся. Нехорошо.

— Киндер-сюрприз.

Тарас сузил глаза.

— Я серьёзно. — Андрей подался вперёд, и впервые за вечер в нём проступило что-то живое — кураж того, кто нашел идеальный товар. — Жёлтая пластиковая капсула из-под игрушки. Овальная, гладкая, тысячи таких в любой урне страны. Металл нам не нужен, если дрон сожжёт и он упадёт на улице, то полицейский сканер увидит кусок железа, а на пластик не среагирует. Покупаем «Киндеры», раскрываем шоколад, трамбуем смесь в капсулы и запечатываем все обратно. Слой шоколада и фольги сожжёт с толку химические снифферы — они увидят сахар и какао. В комнате повисла тишина.

Орест перекрестился. Не прячься на этот раз.

— Дрон, — сказал Тарас. — Доставлять буду по воздуху. У Саловича участок просматривается с четырёх сторон, плюс охранный система по периметру. Поэтому, дрон. Я уже разное прокрутил в голове. Но лучше не нашел.

— Магазиновый не пойдёт, — сразу сказал Жека. — Любая модель с прилавка прошита под *Sinograph*: GPS-маяк, привязка к аккаунту, телеметрия в облако каждые тридцать секунд. Подымешь — через три минуты приедут.

— Соберу из хлама, — кивнул Тарас. — На складе списания их горы: битые курьерские, прогоревшие платы. Я каждую неделю составляю акты на утилизацию, никто не считает, сколько ушло в переплавку и сколько я унёс в рюкзаке. Затру серийники, прошью левой операционкой — без облака, без телеметрии. Управление по короткому радио, аналог. Прошивку сделает Жека.

— Сделаю.

— Запускать будем с окраины Промзоны. Там пустые ангары и камер нет.

— А полицейские дроны-перехватчики? — напомнил Жека.

— Пока держится буря, их тепловизоры и оптика бесполезны. Метель скроет всё — и нас, и дрон. Управление по короткому радио для основного полёта. Резервный канал — мобильная сеть, через закладной модуль. Если потеряем птицу — добьём с любой точки города.

— Зачем два контура? — спросил Андрей.

— Чтобы хрущёвка не сложилась, если дрон уронит ребёнок, нашедший его в кустах, — ответил Жека. — Контактный взрыв инициируется только при ударе с высоты больше трёх метров. А дистанционно — если птичку угонят.

Тарас посмотрел на каждого по очереди.

— Заказы делаем сегодня ночью. Каждый со своего устройства, со своей квартиры, не из общей сети.

Никто не ответил. Все три кивка были одинаковые: короткие и тяжёлые. За окном выла метель. На аналоговом радио хрипел старый новогодний концерт — какая-то певица из прошлой беспечной жизни пела про любовь, которой не бывает.

* * *

Жёлтая пластиковая стружка усыпала весь стол. Андрей с маниакальной точностью зачищал края четвёртой капсулы скальпелем, стараясь не смотреть на серый порошок внутри.

— Тарас, чинайский ресайклер ужал решётку этой дряни в пять раз. Плотность как у твёрдого тела на пределе — детонация почти мгновенная, фронт идёт быстрее, чем сталь успевает гнуться. Поэтому она не толкает, а режет и жжёт. Объёмный хлопок: за миллисекунду выжигает весь кислород в радиусе и плавит металл, как масло.

Андрей отложил скальпель и поднял капсулу к свету. Тарас сидел на полу, прислонившись спиной к батарее. Рядом, накрытый курткой, покоился чёрный дрон. В комнате стояла гудящая тишина, прерываемая только скрежетом лезвия по пластику.

— Андрюха, мне все равно с твоей химией или физикой. Главное, чтобы хоть один «Киндер» смог завалить Саловича.

Экран Жекиного смартфона, подключённый к настенной панели *ThePulse*, мигнул. Привычная сетка городских новостей о прорванных трубах и замерзших пенсионерах исчезла. Вместо неё на всю стену развернулся красный текст.

«Мы давно стали одним целым и просто не замечаем этого.»

ИИ-переводчики стёрли языковой барьер. Криптовалюты — финансовый. Маркетплейсы сделали наш быт общим, Сеть — нашу культуру единой. Человек в любом городе Земли утром открывает одну и ту же ленту, смеётся над одной и той же шуткой, хочет одного и того же.

Что ещё нас разделяет? Линии на карте. Паспорта. Визы. Чернильные печати, придуманные теми, кого мы никогда не выбирали.

Представь мир без них. Без таможен, съедающих половину цены машины. Без призыва, отправляющего твоего сына умирать за линию, которую кто-то решил передвинуть. Без двадцати разных законов там, где хватило бы одного — честного и для всех.

Кому на самом деле нужны границы? Торговле — нет. Науке — нет. Врачу, спасающему жизнь, — нет. Тебе — нет.

Границы нужны только тем, кому есть что прятать по разные стороны.

Старую карту мира можно стереть. Управление цивилизацией можно отдать тому, что не берёт взятки, не имеет родни и не знает жадности, — чистому, прозрачному алго-

ритму, одинаковому для всех. Не идеальному. Просто честному. Чего люди у власти не сумели за всю историю.

Средства уже есть. Не хватает одного — решимости признать очевидное.

Мы и есть эта решимость.»

Андрей замер. Скальпель в его руке дрогнул, оставив глубокую зазубрину на пластике.

— Снос границ? Единые алгоритмы? — он поднял голову, затравленно оглядывая друзей. — Вы это читаете? Это уже не про устранение местных царьков. Это призыв к глобальному демонтажу.

Орест тяжело выдохнул, перестав накручивать изоленту на провода.

— А кто будет контролировать эпидемии? Кто будет ловить картели в серых зонах, если не будет таможни и армий?

— Корпорации, — Жека оторвался от ноутбука, где компилировал прошивку. Глаза сисадмина неестественно блестели в синем свете экрана. — *CathyRoute*, *Neurpple* и остальные. Если снесут национальные правительства, на их место придут транснациональные гиганты. У них уже есть свои армии, свои дроны и своя валюта.

Андрей побледнел.

— И ты радуешься? Если они всё заберут, мы официально станем просто инвентарем на их складах!

— А сейчас мы кто?! — Жека вскочил, едва не опрокинув ноутбук. — Разве сейчас лучше? Рукраина — это кусок гниющего мяса! Я лучше буду рабом алгоритма, который вовремя платит пайку, чем рабом чиновника, который крадёт мои налоги и запирает меня в городе!

Тарас молча смотрел на мигающий текст манифеста. Слова про «единые алгоритмы» и «демонтаж границ» ложились в голову ровными, пугающими блоками. Идея того, что *PurgeUp* могла быть не просто инструментом народной мести, оставляла на языке металлический привкус. Слишком идеальный текст. Слишком вовремя поданный. Тарас свайпнул по экрану смартфона. Синий неон на стене погас. Комната погрузилась в полумрак.

— Геополитика меня не волнует, — Тарас медленно поднялся с пола. Взгляд его был ледяным, зафиксированным на жёлтых капсулах. — Корпорации или государства — хрен редьки не слаще. Но Салович — не корпорация. Он из плоти и крови. И завтра эта плоть перестанет дышать.

Он посмотрел на Андрея.

— Заканчивай сборку. Ошибка в миллиметр, и мы подорвёмся прямо в машине.

* * *

Створки ржавого гаража с лязгом разошлись. Распарывая снежную пелену жёлтым светом галогеновых фар, из темноты тяжело выкатился «Субару Форестер».

В эпоху, когда смарт-электрокары вставляли намертво при минус пятнадцати, сливая телеметрию на серверы теробороны и *Sinograph*, этот кусок японского железа двухтысячного года выпуска был не просто машиной. Он был слепым пятном. Аналоговый оппозитный двигатель, механика, ноль интерфейсов. Идеальный транспорт для тех, кого не должно существовать.

Орест вдавил газ. Шипованная резина с хрустом вгрызлась в ледяную корку проспекта. Магнитола хрипела белым шумом — глушилка Жеки ровным куполом давила любые радиосигналы в радиусе десяти метров. В салоне пахло бензином, прогорклым кофе и животным страхом. Орест вцепился в руль шипастыми перчатками. Рядом на пассажирском сидел Жека, намертво вперившись в серую мглу за лобовым стеклом. На заднем сиденье Тарас тяжело дышал через рот. На его коленях лежал дрон. Распечатанная рама из чёрного полимера напоминала скелет доисторической птицы — геометрия, ломающая сигнал дешёвых полицейских радаров. Рядом Андрей до судорог в пальцах прижимал к груди спортивную сумку. В контей-

нере лежали четыре пластиковых яйца от «Киндер-сюрпризов». Жёлтые. Детские. Набитые адской смесью. Шоколад и фольга оказались лишними.

Тарас протянул руку к сумке.

— Давай сюда, — хрипло выдохнул он.

— Ты чего? Рано, — зашипел Андрей, непроизвольно вжимая сумку в себя. — Трясёт же.

— Давай.

Тарас вытащил первый «Киндер». Жёлтый пластик матово блеснул в полумраке. Тарас аккуратно вставил его в скрытый паз внутри карбонового позвоночника дрона. Лёгкий щелчок — магнитный замок захлопнулся. Второй. Третий. Четвёртый. Смерть в игрушечной упаковке. Он сам не понимал, зачем вооружает птицу прямо сейчас. Просто инстинкт, которому Тарас доверял сколько себя помнил.

И в этот момент Орест ударил по тормозам. «Форестер» пошёл юзом по ледяной корке. Тарас с размаху влетел лицом в спинку переднего сиденья. В носу хрустнуло, на подбородок брызнула горячая кровь. Он непроизвольно свернулся в клубок, накрывая дрон животом, чтобы уберечь пластиковые капсулы от удара. Машина замерла.

Поперёк дороги, отрезая путь, стоял матово-чёрный армейский внедорожник без номеров. Хлопнули тяжёлые двери. Трое. Кевлар, грязно-зелёные балаклавы, тактическая снаряга без знаков различия. В руках — укороченные штурмовые винтовки с глушителями.

— Глуши двигатель! Руки на панель! — донеслось снаружи.

Ствол автомата ударил в водительское стекло.

— Вышли. Медленно.

Жека первым толкнул дверь, выставив перед собой пустые дрожащие ладони. Орест и Андрей медленно вышли следом. Тарас выполз последним, зажимая кровоточащий нос рукавом куртки. Старший патруля подошёл вплотную. На шлеме тускло мерцала оптика тепловизора.

— Куда прём в такую рань? — голос искажался через вокодер, превращаясь в бездушный металлический скрежет.

Боец грубо ткнул Ореста стволом в грудь, впечатав его лопатки в капот. Один из бойцов держал автомат направленным на Тараса, Жеку и Андрея. Другой нырнул в салон «Форестера» и уже шарил лучом тактического фонаря под сиденьями. Старший подступил вплотную к Оресту.

— Командир, тут птичка, — донёсся из салона голос второго бойца. Он вытянул дрон с заднего сиденья, небрежно держа за композитное крыло. — Самопал тяжёлый. И пульт.

Сердце Тараса остановилось. *Если этот ублюдок в кевларе нацупает отсеки. Если они обнаружат заряды...* Старший повернул голову. Забрал дрон свободной рукой, взвесил.

— Контрабандные движки. Углеволокно. Хорошая сборка, — сквозь линзы визора на Тараса смотрела абсолютная, чёрная пустота. — Твоя игрушка, жиробас? Что везём?

Тарас сглотнул густую кровь и убрал руку от лица. Колени тряслись так, что он едва стоял на обледелом асфальте.

— Съёмка... — выдавил он. — Для... для свадеб.

— Чего? — рыкнул главный. — Ты нас за дебилов принял? Какие на хрен свадьбы?

Один из бойцов вдруг опустил ствол. Стянул балаклаву. Морозный воздух ударил в грубое, изрытое старыми шрамами от угрей лицо.

— Тарас? Твою мать, Гарматный, ты?

Тарас заморгал, пытаясь сфокусировать зрение сквозь слезящиеся от боли глаза. Знакомый шрам на подбородке. Глубоко посаженные глаза.

— Макс?... — прохрипел Тарас.

Школьный друг. Тот самый, что ушёл в тероборону пять лет назад, когда государство начало разваливаться на зоны влияния местных царьков. Теперь он стоял здесь, в броне за десять тысяч «радужных», с легальным правом убивать на месте.

— Отбой, Сырой, — Макс повернулся к старшему. — Это мой дружаня. Мы за одной партой сидели. Ботаник. Он безобидный.

Старший даже не шелохнулся. Оптика на его шлеме тихо жужжала, сканируя лица.

— Мне плевать, с кем ты сидел, Макс. Приказ — изымать всю немаркированную электронику. Коптер идёт в фонд батальона.

Макс напрягся, перехватывая автомат.

— Сырой. Я же сказал, это мой человек. Отдай ему кусок пластика.

Старший медленно повернул голову к Макс. Воздух между ними заledenел.

— Ты забыл свой контракт? — металл в голосе командира стал режущим. — Имущество изъято. Скажи спасибо, что я не пустил их в расход как корректировщиков.

Он небрежно закинул коптер на заднее сидение своего внедорожника. Пульт полетел следом, глухо ударившись о металл.

— Сырой, а проверить? — неуверенно пробасил третий боец.

— На базе посмотрим, — Сырой кивнул на двери. — Не ковыряться же на морозе с этой самоделкой.

Тарас сделал шаг вперёд. В глазах потемнело. Вся операция. Месть за мать. Всё это сейчас уезжало в броневике этих стервятников.

— Он... он мне нужен, — просипел Тарас, тяжело дыша.

Старший вскинул винтовку, с силой уперев глушитель в грудь Тараса.

— Ещё шаг, и твой жир останется на дороге кормить диких собак. Думаю, на неделю им хватит. — он запрокинул голову, смеясь над своей шуткой. Потом пробасил. — В машину. Все.

Макс отвёл взгляд. Он натянул балаклаву обратно, пряча лицо и стыд.

— Не дури, Тарас, — глухо бросил он из-под маски. — Жизнь дороже. Как-нибудь... пересечёмся.

Двери внедорожника захлопнулись. Мощный мотор взвыл, и чёрный джип растворился в утреннем смоге, увозя смерть, которую друзья собрали своими руками. Тарас упал на колени посреди обледенелой дороги, вытирая кровь с разбитого лица. Его трясло. В кармане куртки лежал телефон с резервным софтом, который вчера написал Жека. Он посмотрел вслед уехавшему джипу. Магнитные замки на дроне замкнуты. Тарас медленно опустил окровавленную руку в карман и нащупал холодное стекло смартфона.

* * *

Орест непослушными пальцами завёл двигатель и машина покатила по пустой улице. Андрей обхватил голову руками, раскачиваясь взад-вперёд.

— Нас чуть не убили... — маниакально зашептал он. — Чуть не убили.

— Заткнись, — прохрипел Жека. — Заткнись нахер, Андрюха.

Тарас сидел, прижав к лицу окровавленный рукав куртки. Четыре капсулы смеси неслись куда-то в джипе теробороны. Если эти мародёры начнут ковыряться в птичке и замкнут цепь... Соседние дома взлетят на воздух.

— Пустьдохнут, — вдруг произнёс Орест, не отрывая взгляда от дороги. — Если эти мрази взорвутся вместе с дроном — туда им и дорога. Они хуже бюрократов.

— Там Макс, — голос Тараса дрогнул.

— Твой Макс приставил ствол к твоей башке! — рявкнул Жека, оборачиваясь с переднего сиденья. — Проснись, Тарас! Мы в дерьме! У них наша взрывчатка!

Тарас зажмурился. В ушах шумела кровь.

Думай. Думай, жирный ублюдок. Ты инженер. Думай.

Дрон был собран из чинайских комплектующих. Протоколы связи — стандартные для логистических ботов. Мобильный софт Жеки мог только раскрыть зажимы или замкнуть реле детонатора, но вернуть птичку не мог. Нужна была мощная антенна.

Тарас резко открыл глаза.

— Орест. Тормози.

— Что? — Орест нервно дёрнул руль.

— Разворачивайся. Едем в Промзону. В терминал *CathyRoute*.

Жека нахмурился.

— Зачем? Ты слурел?

— У нас на складе есть промышленный дешифратор. Служба безопасности корпорации использует его, чтобы перехватывать контроль над угнанными курьерскими дронами. Я возьму рабочий пульт. Мы найдём птичку по MAC-адресу и перехватим управление до того, как они доберутся до базы.

— Сегодня суббота! — взвизгнул Андрей. — Как ты туда попадёшь?!

— Придумаем по дороге.

* * *

Через пять минут «Форестер» замер в слепой зоне камер напротив серого, монолитного здания логистического хаба *CathyRoute-Rukr*. Тарас вышел из машины и поторопился к служебному терминалу. Красный глаз биометрического сканера с тихим жужжанием сфокусировался на его зрачках.

«Сотрудник 12К-744. Гарматный, Тарас. Анализ биометрии... Внеплановое посещение. Причина?» — последний вопрос системы прозвучал угрожающе.

Тарас знал, как работает *Sinograph*. Нейросеть оценивала уровень кортизола по микросокращениям мышц лица и расширению капилляров. Он закрыл глаза. Вдохнул. Представил ряды серверов. Мерное гудение кулеров. Запах озона. Безопасная, предсказуемая, мёртвая среда. Он открыл глаза. Пульс выровнялся.

— Вчерашняя смена оставила четыре дрона с неисправными гироскопами, — ровно произнёс Тарас. — Хочу закрыть квоту до понедельника.

Система замолчала. Десять секунд алгоритмы на серверах в Ханжине решали его судьбу. Если ИИ решит, что он лжёт, двери не откроются, а внутренней службе безопасности поступит сигнал о саботаже. Тарас не шевелился. Он позволил себе лёгкую, покорную полуулыбку — идеальное выражение лица винтика корпоративной машины.

«Трудовая инициатива одобрена. Плюс 0.4 балла корпоративного рейтинга. Хорошего дня, сотрудник 12К-744»

Тяжёлая дверь с шипением отъехала в сторону.

Тарас шёл по стерильно-белому коридору, зная, что за каждым его шагом следят объективы. Он вошёл в ремонтный отсек. Сел за рабочий стол, бросив на его край свою сумку. Включил паяльную станцию. Двадцать минут он честно ковырялся в сгоревших платах почтовых дронов, демонстрируя камерам глубокую, тупую вовлечённость.

Затем, не меняя ритма движений, он выдвинул нижний ящик стола. Там лежал Перехватчик — тяжёлый, но компактный алюминиевый пульт с двумя антеннами направленного действия и военным чипом дешифровки. Тарас подключил его к диагностическому терминалу. Толстые пальцы летали по клавиатуре, прописывая макрос, который скроет пропажу устройства из базы данных инвентаризации. Экран пульта мигнул зелёным. Готово. Он отложил пульт на край стола, поближе к сумке. Еще через минуту бросил на него рабочий блокнот.

Телефон в кармане завибрировал. Звонок от Жеки — как они и договаривались. Тарас принял вызов, позволив камере зафиксировать свою искреннюю тревогу.

— Да? Привет! Да ты что?! Нужна помощь? Скоро буду.

Он встал, ловким движением подхватил блокнот с пультом под ним и бросил их в сумку. Затем направился к выходу. У самых дверей биометрический терминал снова зажёгся красным. На экране появилось лицо дежурного супервизора — молодого чинайца с дежурной корпоративной улыбкой и пустым взглядом.

— Сотрудник Гарматный. Вы не завершили ремонт! — сказал супервизор на ломаном украинском.

Тарас остановился. Желудок скрутило ледяным узлом.

— Экстренный вызов от друга, господин супервизор, — Тарас чуть склонил голову, демонстрируя покорность. — Я вернусь к ремонту в свой перерыв в понедельник. Норматив не пострадает.

Супервизор смотрел на него три бесконечные секунды. Нейросеть на его мониторе, должно быть, прямо сейчас анализировала микропотливость Тараса.

— Корпорация ценит ваш энтузиазм, — наконец произнёс азиат. Лицо на экране погасло.

Дверь открылась. Тарас вышел на улицу, глотая морозный воздух, как выброшенная на берег рыба. Дно сумки оттягивал тяжелый пульт.

КИНДЕР-СЮРПРИЗ

— Куда? — спросил Орест. В его голосе сжималась мрачная пружина страха.

— Назад, — всё внимание Тараса уже было на включенном пульте. — Туда, где они нас тормознули.

Жека резко обернулся.

— Ты спятил? Если их джип ещё там...

— Они не стоят на месте. Они патрулируют периметр, — Тарас уже вводил коды в дешифратор.

Алюминиевый корпус мягко завибрировал, загружая дешифровочные ключи.

— Перехватчик бьёт на пять километров. Если их джип не ушёл дальше — поймает.

Орест вдавил педаль газа. «Форестер» сорвался с места, оставляя позади стерильный куб логистического хаба. Жека долго молчал, глядя в лобовое стекло, где в сером смоге начали вырисовываться очертания жилых кварталов.

— Знаешь, Тарас... — тихо сказал Жека. — Сегодня утром я думал, что мы покойники. А сейчас... сейчас я понимаю, почему ты это делаешь.

Андрей сглотнул.

— Потому что мы мясо, да? — прошептал он. — Для этих в кевларе. Для хирургов. Для всех них. Мы просто мясо, которое они жрут. И мы даже не сопротивляемся.

Орест молчал, слившись руками с кожаным рулем «Форестера». Его мир — уютная квартирка с чинайскими камерами и церковными иконками — рухнул сегодня на обледенелом асфальте под дулом автомата.

— Если мы не начнём бить первыми, — хрипло произнёс Орест, — мы так и сдохнем на коленях. Лови эту грёбаную птичку, Тарик.

Тарас не ответил. Его пальцы, забыв о лишнем весе и неуклюжести, летали по сенсорному экрану Перехватчика. На дисплее вспыхивали и гасли зелёные строки кода. Он сканировал эфир, отсеивая мусорные частоты полиции и вышек сотовой связи.

— Давай... давай, ублюдок, появись... — бормотал он.

Внезапно Андрей вскрикнул, ударив кулаком по стеклу:

— Слева! На десять часов!

Орест ударил по тормозам. Машину занесло. Из-за хмурых панельных коробок, рассекая плотный серый воздух, летела чёрная точка. Их дрон. Он двигался неестественно дёргано, словно им управлял пьяный или ребёнок.

— Они его запустили... — прошептал Жека. Кровь отхлынула от его лица. — Твою мать, Тарас! Они его запустили!

— Вижу сигнал! — рявкнул Тарас. На экране дешифратора вспыхнул красный маркер. — Идёт синхронизация рукопожатия... Давай же...

Дрон резко взял крен и, взвизгнув движками, пошёл в пике. Прямо на их «Форестер».

— Тормози! — заорал Жека, вжимаясь в кресло.

— Газуй! — одновременно завизжал Андрей.

Орест вдавил газ в пол. Турбина чуть не захлебнулась, но через мгновение двигатель взвыл на пределе.

Расстояние сокращалось стремительно. Пятьдесят метров. Тридцать. Внутри пластиковой птицы лежали четыре детских яйца, набитых смертью. Хватит малейшего удара о лобовое стекло. Хватит одной искры.

— Тарас! — закричал Орест.

— Почти... — Тарас смотрел только на экран, на висках от напряжения вздулись вены. — Девяносто процентов. Девяносто пять. Есть!

Он с силой ударил большим пальцем по кнопке принудительного захвата и резко потянул сенсорный джойстик на себя. За секунду до удара, в пяти метрах от капота, дрон с визгом задрал нос. Карбоновые лопасти со свистом рассекли воздух над самой крышей машины. Тень беспилотника скользнула по лицам парней.

Орест вывернул руль, и «Форестер» влетел в сугроб на обочине, заглохнув. В салоне стояла мёртвая тишина, прерываемая только свистящим дыханием четверых людей. За окном, послушно зависнув в воздухе, мерно гудел их дрон. На пульте Тараса горел ровный зелёный свет — полный контроль. Орест медленно опустил голову на руль. Его плечи тряслись.

— Они хотели... — выдохнул Андрей, глядя на парящую смерть безумными глазами. — Они хотели просто разбить его об нас. Как игрушку.

— Они не знали про смесь, — хрипло отозвался Жека. Его голос дрожал от ненависти. — Эти тупые ублюдки с автоматами просто хотели сбросить наш коптер нам же на крышу. Ради прикола.

Тарас вытер холодный пот со лба. Его сердце билось где-то в горле. Он смотрел на экран пульта, где мигали координаты точки, откуда шёл первоначальный сигнал управления. Макс и его ублюдок-командир не уехали далеко. Они стояли на пустыре за лесополосой, в трёх километрах отсюда. Игрались с чужим пультом. Тарас медленно поднял глаза на парящий дрон.

— Они там, — тихо сказал он. — Я вижу их координаты.

— Нам же хватит зарядов и на них? — слова Ореста заставили всех перегляднуться.

— В смысле? — робко спросил Андрей.

— В прямом, Андрюха! — выкрикнул Жека. — Ты что — не врубаешься?! Если не мы, так они нас!

— Точно, — Тарас кивнул и снова уткнулся в пульт. Где-то в глубине груди шевельнулась мысль: вот так это и начинается. Раз — и переступил.

* * *

Метель налетела внезапно. Ветер ударил в лобовое стекло «Форестера» сплошной белой стеной, мгновенно стирая очертания панельных многоэтажек. Тарас сжимал Перехватчик побелевшими пальцами. В тусклом свете экрана его потное лицо казалось высеченным из воска. Еле различимый в серой мгле рядом с «Форестером» летел дрон Тараса.

— Они не гонятся, — хрипло выдохнул Тарас, глядя на красный маркер патруля на радаре. — Стоят на пустыре, за три километра отсюда. Наверное, офигевают от того, как мы увели птичку.

— Слава богу, — Орест с шумом выдохнул и чуть отпустил педаль газа. Шипованная резина глухо хрустела по обледенелой колее.

Андрей, сжавшийся на заднем сиденье, неотрывно смотрел в заднее стекло багажника.

— Тарас... — прошептал он, и голос его сорвался. — А чьи это фары?

Из свинцовой снежной круговерти вырвались два слепящих луча. Матово-чёрный армейский внедорожник, отбросив бампером заледенелый мусорный бак, быстро сокращал расстояние.

— Сзади! — завизжал Андрей, вжимаясь в спинку сиденья. — Они сзади!

Жека резко обернулся к Тарасу, его лицо перекосило от ужаса:

— Ты же сказал, они на пустыре!

— Спунфинг! — Тарас в бешенстве ударил по корпусу пульта. Математика в его голове мгновенно сложила пазл. — Их армейская глушилка! Маяк джипа транслирует ложные координаты. Их не было на пустыре!

Двигатель старой Субару натужно ревел, не в силах оторваться от многотонной военной машины. Дрон, послушный пульта, держался справа от «Форестера», ныряя в снежные вихри и снова выныривая. В голове Тараса исчез страх. Осталась только геометрия. Скорость джипа. Скорость ветра. Высота дрона. Четыре капсулы. Рядом с пультом он положил свой телефон и включил программу управления сбросом. Бросил его в руки Андрея.

— Когда скажу — жми на любой красный квадрат!

Андрей хотел что-то крикнуть, но посмотрев в глаза друга, просто кивнул.

— Орест. Резко по тормозам, — голос Тараса прозвучал неестественно спокойно, как у автоответчика.

— Ты ёбнулся?!

— Тормози! — рявкнул Жека.

Орест вдавил педаль в пол. «Форестер» пошёл юзом, его занесло и бросило правым боком в сугроб. Джип Сырого, не ожидавший такого самоубийственного манёвра в слепой метели, с рёвом пронёсся мимо них на соседнюю полосу. Тормоза взвизгнули не сразу, и тяжёлая машина развернулась боком далеко впереди.

— Выходим, валим их! — глухо приказал Сырой. Командир теробороны пинком открыл бронированную дверь.

Он вывалился на асфальт и вскинул автомат, целясь в лобовое стекло «Форестера». Но выстрелить не успел. Сквозь белую пелену метели, опустившись с серого неба, завис чёрный дрон. Его камера смотрела прямо в визор Сырому. Внезапно задняя дверь джипа распахнулась. Макс, не глядя ни на командира, ни на парящую птицу, рыбкой выпрыгнул из салона. Он с размаху ударился об обледенелый асфальт, перекатился и, вжимая голову в плечи, бросился к кирпичному забору ближайшего дома. Сырой непонимающе моргнул. Он перевёл взгляд с убегающего бойца на зависший в нескольких метрах над капотом дрон. В карбоновой птице раскрылся отсек и оттуда тускло блеснула жёлтая капсула.

— Твою... — только и успел выдохнуть командир.

— Чего этот хер вылетел из джипа? — выкрикнул Андрей, не отрывая глаза от экрана. — Сорвало крышу от страха?

— Нет, — ответил Тарас. — Он понял.

Тарас видел спину бегущего Макса. Пять метров. Десять. Школьный друг уходил в метель, спасая себя — как пять лет назад, когда впервые натянул балаклаву и отвернулся от прежней жизни. Тарас мог сместить дрон на полметра и накрыть его осколками. Один поворот стика. Но не стал. *«Беги, Макс! Беги и помни, что я тебя отпустил»*. Он позволил себе короткую, безжалостную улыбку.

— Жми, Андрюха!

Большой палец Андрея с силой вдавил красный квадрат на экране смартфона. Через мгновение Тарас вжал джойстик вверх и влево до упора, уводя птичку от джипа. Потянулся телом в том же направлении, словно добавляя дрону уверенности и сил.

Сквозь вой метели впереди вспухло ослепительно-белое, беззвучное на долю секунды солнце. Заряд сработал, как и обещал Андрей, — не толчком, а вспышкой, мгновенно выжегшей воздух в салоне. А следом сдетонировал боекомплект.

Ударная волна сотрясла «Форестер». Многотонный армейский джип вспучило изнутри и смяло, как консервную банку, — это рвались боеприпасы теробороны, один за другим, сливаясь в сплошной грохот. Крышу сорвало, столб ревающего пламени взвился в серое небо, и по снежной улице разлетелись горящие осколки и куски того, что секунду назад было гордостью украинской теробороны.

* * *

Тарас плавно потянул джойстик на себя. Чёрный дрон вынырнул из метели и тяжело опустился на промёрзший асфальт рядом с машиной. Жека молча, на негнущихся ногах, вышел в буран. Он подхватил пахнущую пороховой гарью птичку, осторожно положил её в багажник «Форестера» и захлопнул крышку.

— Гони, — хрипло бросил Тарас.

Следующие двадцать минут они ехали в абсолютной, контуженной тишине, подальше от столба чёрного дыма. Адреналиновый пик спал. На его место пришёл озноб. Постепенно мёртвые многоэтажки сменились высокими глухими заборами элитного частного сектора. Орест съехал с дороги и заглушил двигатель в густом ельнике. Старый оппозиционер по-стариковски чихнул и затих. Жека снова молча вышел на улицу и поставил дрон на снег перед капотом. Тарас щёлкнул тумблером. Роторы взвыли, швыряя в лобовое стекло тучи снежной пыли. Птичка рывком ушла в темноту. Тарас переключил камеру дрона в режим тепловизора. Изображение спроецировалось на дисплей пульта, заливая лица друзей тусклым, кроваво-красным светом.

— Входим в периметр, — голос Тараса звучал монотонно. Он вёл дрон по приборам, борясь со шквальным боковым ветром.

На экране сквозь цифровой снег проступил особняк. Трёхметровый кирпичный забор, закрытый зимним тентом бассейн и три тепловые сигнатуры внутри дома – две крупные и одна поменьше.

Андрей вцепился в плечо Тараса.

— Семья? Тарас, там же могут быть дети!

— И что?! — после небольшой паузы голос Тараса дрогнул. — Они такие же, как и он! Жрали с его рук. Да ради них он и брал взятки!

— Мы не подписывались на бойню, Тарик! — Андрей сорвался на хрип. — Если ты сбросишь заряд на крышу, дом сложится внутрь. Сгорят все!

— Тихо! — рявкнул Жека, глядя на индикатор на пульте Тараса. — Батарея красная. Движки леденеют. Решай, Тарас! Либо бей, либо уводи!

Тарас смотрел на красные пятна тепловизора. Целью был хирург. И только он. Но застарелая, многолетняя ненависть жаждала сжечь Саловича дотла. И в эту секунду Тарасу было абсолютно плевать, кого ещё зацепит пламя.

— Я выкурю его, — прошептал Тарас. — Скину первую капсулу на гараж. Взрыв выбьет стекла. Он выскочит на улицу оценить периметр. Как только появится — кладу вторую ему под ноги. Андрей, телефон!

Андрей забился в угол сиденья, отрицательно мотая головой.

— Нет... Я не буду... Я больше не буду!

— Подними телефон, сука! — рявкнул Тарас. Обе его руки были заняты джойстиками пульта: боковой ветер швырял дрон из стороны в сторону, требуя постоянной корректировки крена.

Андрей только сильнее вжался в дверь.

Тарас глухо зарычал. Он скосил глаза вниз, вслепую шаря правой рукой по коврику машины. Пальцы нащупали холодный экран смартфона. Он положил его себе на бедро, рядом с пультом. Контролировать дрон одной рукой в такую метель было почти невозможно.

— Бросай уже! — крикнул Орест. Нервы водителя были на пределе.

Тарас ткнул мизинцем правой руки в экран телефона, лежащего на бедре.

Сброс.

Жёлтая капсула полетела вниз. Удар о крышу гаража — и серая мгла над особняком разорвалась беззвучной вспышкой. Экран пульта на мгновение ослеп от белого света. Когда

фильтры восстановили картинку, крыши гаража больше не было. Из пролома валил густой чёрный дым.

Массивные входные двери особняка распахнулись. Игорь Салович выскочил на крыльцо в накинута поверх пижамы дорогом чёрном пальто и метнулся к взорванному гаражу — посмотреть, что случилось. За его спиной, в освещённом холле, в панике метались две женские фигуры.

— Он в зоне поражения! Давай второй! — прошипел Жека.

Тарас попытался выровнять дрон над крыльцом, одновременно целясь пальцем в экран смартфона.

Сброс.

Вторая капсула была готова нырнуть под брюха дрона. Но в ту же секунду порыв штормового ветра ударил беспилотник в бок и капсула резко изменила траекторию. Вместо того чтобы упасть в центр двора перед хирургом, она ударилась о мраморный порог распахнутых дверей. Прямо под ногами женщин.

Взрыв.

Ударная волна выплюнула панорамные окна прямо в метель. Женские силуэты просто исчезли в ревущем пламени, а Саловича, отбежавшего к гаражу, накрыло волной и швырнуло в мёрзлую землю.

— Промох! — заорал Жека. — В дом залетела, сука!

Дым на экране пульта слегка рассеялся. Оглушённый хирург был жив. Его дорогое пальто превратилось в дымящиеся лохмотья. Он хрипел, барахтаясь на спине в грязном снегу, пытаясь отползти подальше от горящего особняка, к садовой бытовке у забора. Тарас замер. Его пальцы зависли над джойстиком. В эту же секунду пульт в его руках противно, пронзительно запищал. Индикатор заряда на экране мигнул красным и сменился на критические 2%.

— Батарея сдыхает! — заорал Жека. — Бросай его, Тарик, он уже никуда не денется! Уводи птичку, пока мы не потеряли управление!

Но Тарас не слышал. Он смотрел в экран на ползущего хирурга. Если он уведёт дрон сейчас, Салович выживет. Опять выживет. Купит себе новые лёгкие, новую кожу, новую семью. Писк пульта слился с грохотом крови в ушах Тараса.

— Нет, — прохрипел он.

Лицо техника исказила маска первобытной ярости. Вместо того чтобы выравнять высоту, бороться с ветром и пытаться увести замерзающий дрон, он принял другое решение. Тарас обеими руками намертво вцепился в пульт и рывком вдавил правый стик до упора от себя.

Орест перекрестился. Жека что-то выкрикнул, но Тарас не услышал.

Тяжёлые карбоновые лопасти с воем рассекали ледяной воздух. На экране пульта стремительно приближалась фигура Саловича. В последнем кадре, за миллисекунду до того, как карбоновые лопасти разорвались о череп хирурга, а контактный взрыватель жёлтой капсулы смялся от удара о кость, на экране намертво застыло лицо хирурга.

Широкие от ужаса, заплывшие жиром глаза. Густая капля крови, прочертившая след от рассечённой брови до кончика носа. И искажённый криком рот, обнаживший идеальные, сияющие белизной виниры, между которыми густо застряли чёрные, маслянистые икринки недожёванного деликатеса.

* * *

Орест загнал потрёпанный «Форестер» в гараж у своего дома, и все четверо поднялись к нему в квартиру.

Советская двушка, превращённая в параноидальный бункер, пахла старым ладаном и жжёной изоляцией. Окна были наглухо закрыты стальными роллетами. Под потолком слепо

щурились красные диоды камер — дешёвый чинайский мусор, криво прошитый Орестом на распознавание лиц. В комнате стоял полумрак. До самой ночи они сидели в тишине, маниакально скролля новостные ленты в *ThePulse*.

Андрей нервно расхаживал от дивана к окну. Керамическая кружка с дешёвым кофе дрожала в его пальцах, выстукивая дробь о зубы, когда он пытался отпить.

— Я убил их, — бормотал он, глядя в пол. — Я нажал на чёртову кнопку.

— Заткнись, — Орест тяжело поднялся с кресла. — Ты спас нам жизнь. Они нас чуть не кончили трижды за один час. На дороге, потом птичка, и когда гнались. Так что ты герой, Андрюха.

— Если бы не ты, — добавил Жека, нервно протирая треснутые очки. — Мы бы уже остывали в морге.

Тарас сидел в компьютерном кресле, поглядывая в новостную ленту на мониторе. В отличие от друзей, он не чувствовал ни страха, ни усталости. Только звенящую, хрустальную ясность.

— Нас не ищут, — ровно сказал он. — Системе плевать. В этом городе каждую ночь кто-то горит.

Андрей поднял на него воспалённые глаза.

— Как вы вообще можете тут сидеть? Как вы спать будете? Я закрываю глаза и вижу этот столб огня.

— Как младенец, — дёрнул плечом Жека.

Хотя по его бледности было ясно, что он врёт.

— А мне-то чего переживать? — тихо добавил Орест. — Я просто крутил руль.

Тарас медленно обвёл их взглядом.

— Я заварил кашу, я направлял дрон и я жал на сброс у Саловича. И буду спать спокойно, потому что за столько лет я, сука, наконец-то стал человеком, а не рабом. Этих паразитов надо истребить до последнего и тогда некому будет нас обвинять.

* * *

Рабочая смена в понедельник тянулась в вязком полусне. На линию поступили три курьерских дрона с выгоревшими платами. Тарас механически перепайвал контакты, глядя на то, как олово плавится под жалом паяльника. В голове стоял непрерывный гул от недосыпа. Во время короткого перерыва он снова открыл новостную ленту. И первая же строчка ударила по глазам кровавым неоном.

«Теракт в западном секторе Хаковки. Уничтожен частный дом. Среди погибших — бывший депутат района, хирург Игорь Салович, его жена и 14-летняя дочь.»

Тарас замер. Пальцы, сжимающие пластиковый стаканчик с кофе, онемели. Жена. И дочь. Четырнадцать лет. Он вспомнил две женские фигурки, мечущиеся по светлому мрамору холла на экране пульта.

Телефон в кармане истерично завибрировал. Голос Ореста срывался на высокий, несвойственный ему фальцет. Он задыхался, путался в словах, повторяя одно и то же: «*Девочка, Тарас... Там была маленькая девочка...*». Суть сводилась к одному: вечером они все должны встретиться у церкви. Никаких возражений.

Пластиковый стаканчик хрустнул в кулаке Тараса, проливая горячий кофе на штаны. В этот момент терминал на его рабочем столе мигнул зелёным. Входящий видеозвонок. Супервизор сектора, господин Ли. Тарас судорожно смахнул новостную ленту и ответил.

— Сотрудник Гарматный, — лицо Ли было гладким, как пластиковая маска. — Отдел кадров зафиксировал ваш внеплановый выход в субботу. Полчаса работы и экстренный уход. Это нетипичный паттерн для локального персонала.

Тарас сглотнул. Сердце забило в рёбрах, как птица в клетке. Если Ли копнёт глубже, если проверит логи дешифратора...

— Я стремлюсь к повышению социального индекса, господин Ли, — Тарас натянул на лицо покорную, пустую улыбку. — Корпоративная этика *CathyRoute* — пример для всех нас. Я хочу быть полезным Корпорации.

Ли долго смотрел на него через объектив камеры. Микровыражения лица Тараса в этот момент покадрово анализировались на серверах в Ханжине. ИИ искал признаки лжи. Но Тарас не лгал. В этот момент он действительно, искренне хотел слиться с Системой, исчезнуть, стать безмозглой шестерёнкой, лишь бы не думать о мёртвой девочке-подростке.

— Похвально, — наконец кивнул Ли. — Продолжайте работу, сотрудник Гарматный. И помните: Корпорация ценит лояльность, но не любит сюрпризов. Лояльность поощряется. Сюрпризы анализируются.

Экран погас. Тарас скомкал мокрый стаканчик и бросил его в утилизатор. Его руки крупно дрожали. К концу смены на телефон пришёл пуш-апдейт от полиции: «*Теракт в доме Саловича связан с ликвидацией группировки мародёров*». Следствие нашло на месте сгоревшего джипа расплавленный пульт управления и повесило атаку на особняк на тероборону Сырого. А тот неудобный факт, что бомба вначале взорвала джип, опустили, чтобы не портить красивый отчет. Идеальная, удобная ложь алгоритмов. Дело закрыто.

* * *

Вечером Тарас стоял у кованой ограды храма Воскресения. Массивное здание из почерневшего кирпича возвышалось над уродливыми панельными четырёхэтажками. Для Тараса это место всегда было мёртвым — пережитком прошлого, где отчаявшимся людям продавали иллюзии. Но сейчас ему было всё равно.

Друзья уже ждали его под голыми кронами вековых лип. Андрей выглядел так, словно постарел на десять лет. Под глазами залегли чёрные, как сажа, тени. Жека курил сигарету за сигаретой, нервно сплёвывая на брусчатку. Он избегал смотреть на Тараса.

Орест стоял рядом со своей женой, Олесей. Она обеими руками вцепилась в рукав его куртки. Олеся была беженкой с западных территорий, иссушённой женщиной с тяжёлым, колким взглядом чёрных глаз. Шесть лет назад, когда Укроссия решила устроить буферную зону между Рукраиной и Евроблоком, деревня Олеси попала в зону отчуждения. Набожная девушка пришла в Хаковку с одной сумкой, сразу нашла церковь и попросилась в послушницы. Там и встретила Ореста. Она прислуживала здесь, в храме. Мыла полы, чистила алтари и знала все входы и выходы в этой индустрии спасения душ. Когда Тарас подошёл, Олеся смерила его взглядом, полным животной, первобытной ненависти.

— Ты... — прошипела она, делая шаг вперёд.

Орест резко дёрнул её назад, закрывая собой.

— Я сам, Леся. Молчи.

Орест посмотрел на Тараса. Губы здоровяка тряслись.

— Жена хирурга. И дочка, Тарас. В новостях сказали... подросток.

— Я знаю, — голос Тараса дрогнул. — Это... сопутствующий ущерб.

— Сопутствующий?! — Андрей вдруг рванулся вперёд и схватил Тараса за грудки. Его глаза были совершенно безумными. — Мы убили ребёнка, Тарас! Девочку! Мы не герои, мы ёбаные мясники!

Жека молча оттащил его. Андрей всхлипнул и отвернулся к кирпичной стене, закрыв лицо грязными ладонями.

— Батюшка ждёт, — сказал Орест, глядя в землю. — Олеся договорилась. Он примет нашу исповедь без очереди.

Тарас хотел рассмеяться. Высмеять эту жалкую, детскую попытку откупиться от собственной совести чтением стишков перед бородатым мужиком в рясе. Но смех застрял в пересохшем горле. Он посмотрел на своих сломленных друзей. Они тонули. И это он пробил дно их лодки.

— Хорошо, — тихо сказал Тарас. — Идёмте.

* * *

Массивная деревянная дверь с тяжёлым скрипом закрылась за их спинами, отсекая шум метели. Внутри храм Воскресения дышал холодным неоном. За десять лет старые фрески стёрли. Теперь под сводами сияли изогнутые бесшовные OLED-панели. Прямо над алтарём висела трёхметровая объёмная голограмма распятого Спасителя. Синтетический свет выхватывал стекающие по цифровой коже капли крови. Под крестом плыла голографическая строка: *«Спонсор реконструкции храма — корпорация Neurpple. Жертвуйте на приумножение Благодати»*.

Тарас огляделся. Пол был устлан смарт-покрытием, имитирующим мягкую траву. При каждом шаге сенсоры активировали расходящиеся круги цифрового света. У входа стояла мраморная статуя Девы Марии. Её левая рука была протянута вперёд. Запястье обхватывал металлический браслет с NFC-сканером. Подошедшая женщина с имплантом в ладони приложила к мраморным пальцам. Раздался тихий электронный писк.

— Ваше пожертвование в размере двадцати спектров принято, — произнёс скорбный женский голос из динамиков, спрятанных в нимбе. — Благодать сойдёт на ваш дом. Отсканируйте QR-код для получения индульгенции в приложении «Святой Синод».

На боковых панелях мелькала таргетированная реклама: *«Отпевание погибших на Восточном фронте — скидка 15% до конца месяца при подтверждении отсутствия статуса дезертира»*.

Андрей наклонился к самому уху Тараса.

— Леся сказала, что они отпевают и дезертиров, — прошептал он сухими губами. — Но по тройному тарифу в даркнете. Батюшка снимает биометрический трекер после полуночи... Да и вообще, это она с батюшкой договорилась.

— Леся? — Тарас так резко повернул голову, что шея хрустнула. — Откуда жена Ореста знает про...

— Жека вчера сорвался, не смог держать все внутри, — выдохнул Андрей. — Напился и пришёл к Оресту. У него случилась истерика из-за мертвой девочки. А Леся стояла под дверью кухни и всё слышала.

Тарас замер. Живот словно скрутили в тугой узел. Жена Ореста. Эта фанатичка знает, что они убили подростка?!

— Идиоты, — прошипел Тарас, не разжимая зубов. — Она же сдаст нас.

— Ты чего?! — Андрей покрутил пальцем у виска. — Не сдаст она Ореста? Не! Без него ей не жить.

Но Андрей уже не слушал. Орест потянул их вглубь храма, мимо проекции тернового венца, к массивной пластиковой перегородке исповедальни. Олеся стояла там, сложив руки на животе. В чёрном платке, с плотно сжатыми губами. Она бросила на Тараса взгляд, полный отвращения, а затем коротко постучала по матовому стеклу каморки.

Стекло стало прозрачным. Отец Димитрий, тучный мужчина средних лет с окладистой черной бородой, сидел в кожаном геймерском кресле. Ряса расстёгнута на груди, обнажая потную шею. Но Тарас смотрел не на священника. Он смотрел на огромный монитор, светившийся в полумраке исповедальни. На экране был открыт интерфейс *PurgeUp*. Батюшка водил мышкой, выбирая в меню снайперскую винтовку для ликвидации виртуального мэра.

Заметив прихожан, Дмитрий судорожно дёрнул рукой. Игровой интерфейс мгновенно свернулся, сменившись статичной заставкой плачущей Богородицы. Священник тяжело поднялся, поправляя золотой крест на животе. Лицо мгновенно приняло выражение профессиональной, приторной скорби.

— Входите, чада мои, — пропел он, нажимая кнопку разблокировки двери.

Они вчетвером втиснулись в тесную каморку. Внутри пахло потом и дорогим энергетиком. Орест упал на колени первым. Он плакал. Настоящими, жалкими слезами здоровяка, который не смог уберечь свою душу.

— Отче... — выдавил он, глядя в пол. — Мы совершили страшное. Мы... На всех нас... Тяжкий грех, Отче!

Дмитрий даже не дослушал. Он скосил глаза на боковой планшет, где отобразился перевод крупной суммы с кошелька Олеси за «экстренную исповедь». Священник поднял пухлую руку и небрежно перекрестил склонённые головы.

— Ибо сказано: нет греха, который Господь не омоет слезами раскаяния вашего и жертвой вашей, — заученно, на одной ноте отчеканил Дмитрий. — Система... то есть, Небеса видят ваше смирение. Прощаю и разрешаю от всех грехов ваших. Во имя Отца, и Сына, И Святого Духа. Аминь. Идите с миром.

Жека медленно поднял голову. В его глазах стояло абсолютное, звенящее непонимание.

— Это... всё? — хрипло спросил он. — Вы даже не спросите, что мы совершили?

Дмитрий нахмурился, раздражённо побарабанив пальцами по столу. Его взгляд уже косил в сторону свёрнутой игры.

— Господь не требует подробностей, сын мой. Господь требует веры. И пожертвований на нужды прихода. У меня плотный график отпеваний. Освободите помещение.

Он нажал кнопку. Дверь исповедальни с шипением открылась. Дмитрий сурово шагнул вперед, выпирающим из-под рясы животом выталкивая друзей к выходу.

Как только они оказались снаружи, матовое стекло снова стало непроницаемым. Но Тарас успел заметить, как экран батюшки моргнул, возвращая интерфейс *PurgeUp*. Священник продолжил охоту.

Олеся ждала их у проекции алтаря. Её губы кривились в самодовольной, ядовитой усмешке.

— Ну что? — елеинным голосом спросила она. — Полегчало душам вашим?

Жека остановился напротив неё. Он смотрел на эту фанатичную, расчётливую женщину сверху вниз. Вся его вина, весь его страх перед Богом испарились в этой душной каморке, сменившись холодным бешенством.

— Спасибо, Леся, — Жека улыбнулся так, что женщина отшатнулась, прижав руку к груди. — Очень полегчало.

Он развернулся и зашагал к выходу, тяжело ступая по цифровой траве. Тарас пошёл следом, физически ощущая, как в этот самый момент последние остатки их старого мира — с его моралью, дружбой и надеждой на прощение — сгорели дотла.

ЦЕННЫЙ АКТИВ

В квартире Тараса было темно, никто не хотел включать свет. Мертвенно-синее сияние мониторов ложилось на осунувшиеся лица. Орест потягивал дешёвое баночное пиво, глядя в ночное окно. Андрей грыз заусенец на большом пальце, а Жека пялился в смартфон. Тарас сидел в компьютерном кресле. В его голове всё ещё крутились слова священника-геймера.

— Знаете, в чём проблема нашего мира? — голос Тараса прервал тишину. — Простой человек верит в какую-то непонятную справедливость. Верит, что есть Бог, полиция, суды. Ну, как и мы с вами. А на деле, когда мы просим справедливости, нам выкатывают прайс-лист.

— К чему ты клонишь? — спросил Орест.

— К тому, что Бог, к которому вы сегодня ползали на коленях, хочет того же, что и Система. Чтобы вы платили. И боялись. — Тарас разбудил монитор. — А я больше не хочу бояться.

Клиент *PurgeUp* развернулся на весь экран, залив тёмную комнату кроваво-красным светом интерфейса. Жека, сидевший на краю неразобранной кровати, прищурился, вглядываясь в профиль друга.

— Тарик... У меня не такая версия клиента. Что это за значок возле твоего ID? И что это за цифры?

В комнате стало очень тихо.

— Это ранг, — ровно ответил Тарас. — ТОП. А цифры — это спектры. Тридцать тысяч.

Орест поперхнулся пивом. Андрей перестал грызть палец.

— Сколько? — просипел торгаш. — Ты шутишь? Тридцать тысяч «радужных»?

— Перед нашей встречей я загрузил в игру видео с камеры дрона, — Тарас откинулся в кресле. — Как он впечатался в рожу Саловича. Система верифицировала цель из списка госаппарата. И заплатила. Он же депутатом был, скотина!

Андрей медленно поднялся с дивана и подошёл к экрану, как замороженный. Пять нулей в амерской валюте — самой дорогой и непотопляемой. Деньги, которых они не заработали бы за всю жизнь в Хаковке, хоть наизнанку вывернись.

— Боже мой... — выдохнул Андрей. В его воспалённых глазах загорелся лихорадочный блеск. — Тарик... На эти деньги можно купить батюшке новые био-ноги в Евроблоке. Качественные. Без отторжения... Да можно вообще свалить отсюда.

— Как ты догадался? — спросил Жека.

— В чатах ходили слухи про то, что *PurgeUp* платит за реальные ликвидации. Но мало кто верил. А я вот попробовал.

Орест смотрел на экран с открытым ртом. Его пальцы сжались на пустой пивной банке, сминая алюминий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.